

Е. БЛАВАТСКАЯ

ЗАГАДОЧНЫЕ
ПЛЕСИНА
НА
ГОЛУБЫХ
ГОРАХ

~
ДУРЬБА
К
САХОРЕ

Елена Петровна Блаватская

Дурбар в Лахоре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177409

Загадочные племена на Голубых Горах. Дурбар в Лахоре: Сфера; 1993

ISBN 5-87212-008-7

Аннотация

Елена Блаватская родилась в семье выходца из Германии. Много путешествовала по Европе и Азии, бывала в США. По ее собственным словам, семь лет провела в Тибете, где получила посвящение в оккультные мистерии. В 1873 году переехала в Нью-Йорк и два года спустя основала Теософское общество. Вскоре в обществе начался внутренний разлад, и Блаватская уехала в Индию, где продолжала заниматься теософией. Основные работы Блаватской – «Разоблаченная Исида» (1877) и «Тайная доктрина» (1888).

Произведение входит в состав сборника «Загадочные племена на Голубых Горах. Дурбар в Лахоре».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	54
Глава 4	80
Глава 5	100
Глава 6	121
Глава 7	142

Елена Блаватская Дурбар¹ в Лахоре (Из дневника русской)

Глава 1

Через Симлинские холмы в Кальку и Умбалу. – Санитарииумы Индии и чайная плантация индийского Цинциннати. – Сады Пинджора, Магараджи Путтиальского. – Колесницы-пытки. – Калька и счастливое семейство скорпионов. – Амритса и ее разнохарактерные народности.

Получив в Симле не то приглашение, не то благосклонное разрешение властей присутствовать на имевшем быть от 9 до 16 ноября 1880 года вице-королевском *дурбаре*, мы решились отправиться заранее в Лахор.

С 1864 года, когда состоялся дурбар, назначенный лордом (в те дни еще сэром) Джоном Лауренсом, известным в политическом мире своею «художественною политикой бездействия», по ироническому выражению ториев, которой теперь строго предписано держаться и новому вице-королю, маркизу Рипону – не было затем дурбара в Лахоре. Устроенный для формального представления вице-королю, еще мало привыкших с 1849 года к британскому господству и слыш-

ком часто о нем забывающих пенджабских властелинов, раджей и науабов,² со включением вечно подозреваемого в русской интриге магараджи Кашмирского, предстоящий дурбар обещал быть великолепным. К тому же нам хотелось побывать и на годовом празднике девалли в Амритсе, древнем гнезде сикхов...

Праздник *девалли* в буквальном переводе вышел бы праздником «Всех Святых», la Toussamt, или, точнее, «всех богов», так как *дева*, – божество, а не простой святой. Это самый высокаторжественный праздник в стране.

В ночь на девалли тратятся огромные суммы, заготавливаемые браминами в продолжение целого года; а муниципалитеты ассигнуют на торжество лаки³ рупий. Все города, села, деревушки, даже дороги освещаются мириадами плошек, факелов и разноцветных фонарей в честь 333 миллионов национальных богов... Но Амритса, гнездо сикхизма,⁴ великолепием своего освещения, дорогими фейерверками, а глав-

² Пишется – nawab, а выговаривается «науаб»; слово, почему-то переделанное в Европе в набоб.

³ Лак – сто тысяч рупий.

⁴ *Амритса*, или *Амритсар* – укрепленный город Пенджаба, в полутора часовой езде от Лахора, столицы Рунжит Синга, знаменитого в истории под именем Льва Пенджабского. Из незначительной деревушки Амритса, благодаря Золотому Храму на озере *Бессмертия*, построенному Рам Дасом, 4-м *Гуру* (духовным наставником) сикхов в 1581 году, храму, привлекающему пилигримов сотнями тысяч – сделался цветущим богатым городом. Здесь ткутся и продаются лучшие шали Индии, успешно соперничая в этом с Кашмиром и ведя оживленную торговлю козьим пухом с Бухарой.

ное, прелестью своего залитого огнями Золотого Храма, отражающегося, как в чистом зеркале, в окружающем его озере, и другими затеями, – далеко оставляет за собой все прочие города Индии. На эту ночь съезжаются со всех концов страны под охраной своих британских дядек, политических резидентов, когда-то грозные potentаты Индии, как большие, так и малые. Европейцы же наводняют гостиницы, и, заняв лучшие места на иллюминации, великодушно позволяют туземным принцам стоять за спинками своих стульев. Правда, сикхи – строгие монотеисты. Но с 1489 года (год их отступничества от политеизма) они, видно, еще не успели до сей поры решить, который из 333 миллионов божеств индийского пантеона есть именно их единый бог, проповедуемый Панакой,⁵ поэтому они пока и продолжают чествовать одинаково всех богов. Осторожность никогда не мешает.

Решась по дороге в Лахор принять горячее приглашение наших друзей и союзников ариев⁶ и погостить у них в Амритсе, мы назначили днем нашего выезда из Симлы 21 октября, заблаговременно отправив наши вещи в долину с обычными вьючными животными Индии, кули. О народной нищете можно судить по ценам, запрашиваемым кули за перевозку тяжелых сундуков и багажа от Симлы до Кальки, т. е. 114

⁵ Панак был основателем сикхизма.

⁶ Арии – последователи религиозного реформатора Свами, соперника знаменитого Чендер Сана пророка Бенгалии. Оба покрыли Индию *самаджами* (братскими общинами).

миль в два конца. Кто в России поверит, что мы наняли 12 человек, по два на тяжелый сундук, за десять рупий! Где в мире можно найти столь бедного рабочего, чтобы он согласился нести пешком с одной крутизны на другую сундук в несколько пудов, за 57 миль, и, вернувшись обратно, получить за это два шиллинга.

Итак, беспристрастно разделив при прощании искреннее сожаление между нашими добрыми друзьями англичанами и чудною прохладой диодоровых⁷ и сосновых лесов, мы приготовились рано утром 21 октября в путь. Вследствие узких, чрезвычайно извилистых дорог, вернее, тропинок вдоль по карнизу несметных холмов и частых обвалов, в Симле запрещено ездить на экипажах. Один вице-король имеет право разъезжать на паре маленьких пони в крошечной колясочке; все же прочие смертные обязаны довольствоваться верховыми лошадьми или паланкинами, даже престарелые. Грузные леди отправляются с визитами и на балы верхом или в носилках. Поэтому, хотя почтовая станция отстоит от занимаемых английской колонией дач, разбросанных, как орлиные гнезда, по вершинам скал на 2000 с лишком футов вниз, нам пришлось отправляться – кому пешком, а кому в *джампане*. Не *могу* проститься с Симлой без того, чтобы не помянуть лихом и не описать этого *джампана*, придуманного, должно быть, инквизиторами. Это отвратительный паланкин, не то *chaise longue*, не то узкая люлька из парусины с четырьмя

⁷ Диодор – гималайский кедр.

деревянными лапами, привешенными к двум толстым палкам и делающими ее похожей на привязанную вверх ногами лягушку. Ввалив это англо-китайское изобретение с обреченным на пытку седоком на плечи, от четырех до шести мускулистых здоровых *пагари* (племя горцев) начинают шагать вразброд, потрясая ношей словно кулем муки. Жертва, раз втиснутая в сиденье и плотно обтягиваемая парусиной люльки-лягушки, делается на все время перехода буквально беспомощною. *Пагари* (или *пахари*) кроме собственно-го, неизвестного остальному миру горского диалекта, ничего не понимают: кричи не кричи, для них все одно. Беспеременно перемещая с одного плеча на другое оглобли носилок, они встряхивают при этом люлькой, подбрасывают ее во все стороны, размахивая ею и словно угрожая ежеминутно вышвырнуть живую кладу в зияющую по обеим сторонам узкой крутой тропы бездну. К довершению этого эстетического удовольствия, вероятно, в надежде на прибавку бакшиша (они получают всего две анны или три пенса в день на человека) носильщики, или «джампани», как их здесь зовут, начинают кряхтеть, стонать, а затем и громко рычать... Не останови их кряхтенья на первых порах, то вскоре весь лес застонет им в ответ. Англичане с ними в разговоры не пускаются а, стегая по голым спинам плетью, правят ими, как настоящими лошадьми. В моем же положении смиренной русской гостьи мне оставалось только молчать и терпеть.

Выплеснутая из адской люльки на пыльный двор станции,

отряхнувшись, я присоединилась к партии знакомых, также оставлявших в то утро Симлу. Здесь нас ожидала другая, не менее адская машина, изобретенная для горных путешествий. Почтовая дорога из Симлы в Кальку (57 миль) до того узка и извилиста, спуски столь круты, что еще три года назад не было другого средства ездить по старой дороге как верхом или на слонах. Но теперь построили новую, хотя и не лучшую, но более широкую дорогу. По ней, проскальзывая между идущими навстречу верблюдами и слонами, летит с быстротой молнии так называемая *тонга*. Это двухколесный экипаж, в котором двое сидят спинами к лошадям и, упираясь коленями в собственный подборок, а третий, ямщик, висит на лошадиных хвостах. В такой скорлупе, конечно, нет места для поклажи; поэтому, как я сказала, багаж заранее отправляют в долину. Вследствие постоянно осыпающихся стен от взорванных минами скал и какого-то особенного испепеляющегося в мельчайший порошок грунта дорога до того пыльна, что плотно облегающих глаза зеленых выпуклых очков и двойной вуали еле достаточно, чтобы не ослепнуть навеки, за эти несколько часов езды. Подымаясь шесть недель ранее на высоты Симлы, мы благоразумно выбрали «старую дорогу» в предпочтение новой или так называемой «Тибетской большой дороге», и были вполне награждены за три лишних дня путешествия. Но теперь мы спешили, и другого выбора нам не предстояло, разве ехать в закрытой арбе на волах...

Нас было тринадцать, а мест в шести тонгах всего на 12

пассажиров; и «чертова дюжина» действительно взяла свое. Кое-как рассадив прочих, мы втиснули трех худощавых англичан в шестую тонгу: на мою долю достался самый длинный из них, и его ноги, как он ни старался завивать их кренделем, постоянно торчали над задком экипажа. Наконец мы тронулись и полетели с одуряющею быстротой под гору... с первого же толчка я провалилась в нижний ящик сиденья, откуда уж и не вылезала до самой станции, всю дорогу проклиная тонгу.

Прощай, дорогая, вечнозеленая Симла!.. Чудный уголок, райское гнездышко, упавшее словно с неба среди дубрав Гималайских; прохладный Эдем, витающий над пеклом долин Индостана, прощай!.. Долго не видать мне твоих громадных сосен, елей, кедров, на кудрявых верхушках которых отдыхают гонимые ветром облака и подножие коих окутано целым лесом гигантского рододендрона... Вот вдали мелькнула большая гора, покрытая этим великаном-растением. Облитые горячими лучами утреннего солнца их ярко-пунцовые гроздья горят, словно повисшие на них птицы. Среди них белеет *Петергоф*, вице-королевская резиденция, а за горой виднеется длинный хребет снежных колоссов, один из средних рядов ступеней Гималаев. В последний раз пахнуло нам в лицо столь знакомым прохладным запахом сосны и тмина... Еще несколько поворотов, и мы очутились в непроницаемом облаке пыли. Оно упало тяжелою, удушливой завесой между нами и Симлой...

Англичане чрезвычайно гордятся своею «Тибетскою» дорогой, воображая, быть может, что она и на самом деле поведет их когда-нибудь в Тибет, и называют ее образчиком инженерного искусства. Приходя в восторг при виде гранитных мостиков, перекинутых через горные потоки своих sanitarium'ов,⁸ торчащих на разных холмах, они уверяют, что ничто не может сравниться с математическою точностью линий карниза дороги, извивающейся пыльной лентой вокруг зеленых холмов. Один из мостков, впрочем, уже провалился под каким-то спешившим в Симлу сановником, убив невинного ямщика (судьба оставила сановника целым). Мой спутник страшно надоедал мне своими непрерывными восклицаниями восторга, и очень по-видимому озлобился на меня, когда увлекаемая, сознаюсь, более невыносимой тряской, нежели врожденным чистосердечием, я объявила ему из глубины своего ящика, что, откровенно говоря, его «Тибетская» дорога и в подметки-то не годится нашей «Военно-Грузинской» на Кавказе.

На расстоянии 57 миль мы переменили девять раз лошадей. На каждой станции эти ободранные клячи, предварительно вступив в бой с верблюдами, брыкались, угрожая сломать задние ноги о наши спины, а я снова и неминуемо проваливалась в свой ящик, и так до новой станции! От Симлы

⁸ Санитариумами здесь называют военные поселения для госпиталей, выбирая для этого самые здоровые местности на горах. Симла считается лучшим санитарием в Индии.

до Кальки по прямой линии не более 12 миль; а по изви-
вающейся во все стороны, обвивающей каждый холм, словно
лента на тирольской шляпе, дороге – 57 миль, как уже сказа-
но. Можно же себе представить, сколько тонга делает пово-
роты и какие при быстроте такой езды необходимы предо-
сторожности, чтобы не наткнуться при каждом новом изги-
бе на вереницу верблюдов или не въехать в кучу слонов. Во
избежание подобной катастрофы, ямщики каждые две-три
минуты трубят. Какофония уныло повторяется окрестным
эхом и еле успевает замереть, как раздается новая, услышав
которую верблюды и слоны сторонятся заранее. Движение
тонги было столь быстро, а сидение так низко от земли, что
при одном из сильных толчков мой спутник, окруженный об-
лаком пыли, вдруг словно волшебством исчез из моих глаз,
очутившись среди дороги под хоботом у проходящего слона.
По словам его, он заметил себя в этом непредвиденном по-
ложении только тогда, когда обронившая его тонга находи-
лась уже почти за милю от него, а умный слон, приподняв его
хоботом, подбросил к себе за ухо, чтобы не раздавить. По-
добрав бедного бритта, мне хотелось у него спросить, вклю-
чает ли он и тонгу в число существенных доказательств ве-
личия его родины вообще, и превосходства ее произведений
над всеми произведениями остальных в мире стран, в част-
ности? Но плачевный вид грязного лица и разорванное паль-
то сменили мой гнев на милость, и я, как добрый самаритя-
нин, предложила ему носовой платок для очистки физионо-

мии.

Промчавшись со скоростью локомотива мимо Кири-Гата, большого замка на скале, вроде феодальных руин на Рейне, каких здесь множество, мы крутились по быстрому спуску вокруг горы. Раз пятнадцать древний замок то исчезал из виду, то снова являлся. А вот и знаменитый замок магараджи *Путьяллы*, горная резиденция вековой династии, последний представитель коей в настоящую минуту семилетний ребенок; а затем Солон, санитарии, ныне переполненный злополучными жертвами беконсфильдовской политики. Изувеченные на «ученой границе» Афганистана, они теперь переваривают полученный урок на более спокойной территории Раджи Багхотского, на владениях коего построены английские бараки и госпиталь. Эти любезные гости составляют далеко не приятную прибавку к народонаселению его светлости... Но злосчастный принц молчит и утешается разведением чая, как древний Цинциннати, который, впрочем, разводил не чай, а капусту, или нечто в этом роде. В Солоне при гласе трубном нас вышвырнули прямо на веранду *дак-бунгало*, попросту, почтового дома, где мы тотчас же приступили к завтраку, поданному по англо-индийскому неизменному шаблону: бараньи ребра из какой-то гуттаперчи и сухой рис наполовину с землей, сопровождаемый убийственным *карри*.⁹ Наскоро законопатив рисом трещины, произведен-

⁹ *Карри* – соус из всевозможных пряностей, главное в нем красный перец; туземцы глотают ложками то, чего европеец не мог бы и попробовать, не рискуя

ные в наших желудках тряской, мы втиснулись в наши тонги и помчались далее. Опять перепряжка, верблюды, брыканье и облака пыли... После четырех часов тряски – Дхурумпур на скате Куссовли... Сосны и ели тут встречаются все реже и реже, исчезают и величественные кедры, заменяясь вечным кактусом, темнолиственным манго, раскидистым нипалом и, наконец, пальмой. Тропическая растительность входит в свои права и в Кальке уже совершенно заменяет северную...

Городок Калька, 2400 футов над уровнем моря, стало быть, на 6000 футов ниже Симлы, состоит из двух десятков домов, телеграфной станции и двух отелей. В прежние годы, до занятия англичанами Пенджаба, то была деревня у ворот поместья, принадлежащего магарадже Путьяллы; поместья, знаменитого своим великолепным парком. Сады Пинджора, обрамленные высотами Севаликского хребта, и теперь посещаются многими туристами. Разбитые еще при императоре Акбаре одним из его владетельных наубов, эти сады, составляющие целый парк, считаются самым великолепным местом в северной Индии, не исключая даже Шалимарского сада в Лахоре, где Рунджим-Синг держал дурбары во время своего царствования и где они назначаются и теперь для вице-королей.

К великому счастью моему вместо тонги нам дали на другое утро четырехколесную широкую *дак-гари* (почтовую ка-

рету). До Умбалы, где мы, наконец, добрались до железной дороги, путь довольно отлогий, и за исключением нескольких переправ через бурные и опасные, но осенью засыхающие потоки, – широкий и ровный. Почтовая карета есть выкрашенный четырехугольный ящик на четырех колесах, без сиденья. На полу такого ящика настиляется постель проезжего, а коли таковой не имеется, то путешественник остается на грязных досках. Трясет она не хуже телеги, а в нашей карете вдобавок к собственным ее прелестям мы нашли гнездо скорпионов: почтенную родительницу с двумя дюжинами скорпионят на спине, отца, снох и прочих членов семейства. Я чуть было на них не села. Ямщик *джаин* упрашивал меня не предавать их лютой смерти. У него, видите ли, умерло несколько детей в этот год, и кто знает! Быть может, они все трансмигрировали в это интересное семейство... В пропорцию с родными горами, скорпионы имели по полтора и по два вершка в длину, и нам пришлось ждать, пока набожный джаин, осторожно загребая их на пальмовый лист, не перенес их всех на опушку леса... Приехав в Умбалу, отстоящую всего на 38 миль от Кальки, в полдень, нам чуть не сделалось дурно от жары. Тридцать градусов в тени в конце октября!

Умбала – столица куска британской территории, отнятой англичанами под каким-то предлогом от страны, называемой Сирхиндом и принадлежащей владельцам Путьяллы. Это большой укрепленный город, с крепостью на северо-восточной стороне его и с лагерем, расположенным у под-

ножия крепости. Укрываясь от зноя в темной комнате, мы ничего не видали, да и нечего было осматривать. Вечером мы сели в вагон и на другое утро проснулись в Амритсаре.

Весь дебаркадер был полон арийцами и сикхами, пришедшими встречать «братьев американцев» с должными *намасте*.¹⁰ Их было человек двести. Странное и живописное зрелище представляла эта почтенная гвардия, которой позавидовал бы не один из маленьких немецких князьков. Гвардия, обезоруженная, правда, но в таких невиданных фантастических и богатых костюмах, что можно было залюбоваться на нее и не одному артисту. Что за молодцы, эти бравые сикхи! Колоссы, кажущиеся еще огромнее от необъятных белоснежных тюрбанов (точно свалившаяся с Гималаев снежная глыба), покрывающих их длинные густые волосы и коричневые лица, которые несравненно бледнее, впрочем, лиц центральной, а особенно южной Индии. Здесь вы не увидите голы природы, прикрытой вершком грязного миткаля вместо виноградного листка, даже на самом бедном кули. Пенджабцы носят белые панталоны в обтяжку вроде трико; богатые – дорогие кисейные и вышитые рубашки поверх панталон; бедные – простые миткалевые. Первые отличаются шитыми золотом и разноцветными шелками, кашемировыми, парчовыми и глазетовыми кафтанами, часто на дорогих мехах; но все, богатые, как и бедные, украшены необъятными и самого

¹⁰ *Намасте* – санскритское приветствие, введенное современными реформаторами вместо мусульманского обычного «салам».

разнообразного вида тюрбанами. У иных до ста аршин кисеи на голове!

У дебаркадера мы нашли ожидавшую нас прекрасную коляску; и вот, сопровождаемые этою пестрой ватагой, под перестрелкой насмешливых взглядов знакомых по Симле англичан, мы поехали в приготовленный для нашего приема загородный дом, принадлежащий президенту местной Арья-Самадж Мульрадж-Сингу, очень богатому сикху.

Дом этот – обширная прекрасная дача среди тенистого большого сада, меблированная совершенно по-европейски и со всем современным комфортом. Еле успев переменить платье и очиститься от дороги и даже не успев закусить, нам пришлось тут же, неожиданно и негаданно, держать свой дурбар. В это одно утро и до пяти вечера мы познакомились с большим числом национальностей, рас, сект и разношерстных религиозных корпораций, нежели за последние полтора года, проведенные нами в Южной и Центральной Индии. Пенджабы, индусы из Бенареса, сикхи, джатты, раджпуты, патаны, гурки, кашмирцы приходили и уходили целыми вереницами. Сложив руки ладонями на груди, затем на лбу, они кланялись и тихо садились полукругом на ковре перед нашими двумя креслами. Каждая из этих пестрых живых гирлянд устремляла на нас почтительно любопытный взор и в глубоком молчании ожидала первого вопроса... После первого (к какой школе философии или секте каждый из них принадлежал) тотчас же начинался общий разговор о мета-

физических предметах. С любопытством слушали они нашу, часто смущенную, критику на их невообразимо странные, всегда самые неожиданные парадоксальные выводы. Чаще всего нам приходилось признавать себя побежденными и ретироваться.

Страсть к мистическому самоуглублению и метафизическим мечтаниям – самая общая черта индусов от Гималаев до Кумари. Что бы он ни делал, к какому бы сословию он ни принадлежал, как только у индуса появляется свободная минута, он садится на корточки и погружается в мечтание, или, скорее, в самосозерцание; а в случае, если есть собеседник под рукой – в метафизический диспут. Но да не подумает читатель, что эта религиозность опирается на догматы или вытекает из какой-либо из установленных сект и школ. И те, и другие служат мечтателям лишь канвой, по которой каждый из них вышивает в продолжение целой жизни самые фантастические узоры. Выпуская постепенно из неведомой глубины органов мышления тонкую паутину собственных умозаключений о самых трудных, неразрешимых мировых вопросах, они, наконец, так опутывают себя этою само тканною сетью, что, будучи не в состоянии вылезти из нее, только жужжат в ней, как пойманная муха. У них есть почти всегда *гуру*, духовный учитель, выбранный из таких же опутанных самодельною паутиной мух, как и сам он, только старше и учение его. И первый будет молиться на второго до его смерти; а после смерти отдаст ему все последние поче-

сти: по всем правилам касты сожжет тело учителя, похоронит пепел где-нибудь у себя в саду, и утром и вечером станет разговаривать со своим гуру, сперва мысленно, под влиянием мистического чувства, а затем и громко, излагая свою новую систему. Возле него станут собираться соседи, сядут на корточки и будут слушать. Затем мало-помалу припишутся к его школе и станут по вечерам вместе впадать в религиозный экстаз. Страсть к богословским диспутам породила и продолжает порождать бесчисленные секты, школы и религиозные братства, особенно последние. Отчасти способствуют этому и протестантские миссионеры, особенно американские. Проводя большую часть времени на площадях и базарах, эти ревностные, но далеко не образованные просветители язычества, не теряют случая вступить в полемику, но редко удачно. Под перекрестным огнем вопросов о хронологии мира, о мироздании, об отношении божества к смертным и особенно о будущности и существовании души человеческой, не будучи в состоянии бороться со своею упитанною метафизическою мудростью аудиторией, миссионеры начинают постепенно терять терпение, а под конец обыкновенно раздражаются бранью над местными богами и угрозами пекла. За этим иногда идут жалобы в суд, но обыкновенно новый импульс – соединяться против общего врага: *надри*, и вследствие этого новое языческое братство...

В день нашего приезда мы заседали на нашем дурбаре до пяти часов вечера. Огромные деревья тенистого сада не

допускали смиренных лучей октябрьского солнца слишком беспокоить нас, но зато целые стаи блестящих попугаев, бесстрашно влетающих и вылетающих через открытые двери веранды, оглушали нас трескотней своих, далеко не метафизических, птичьих криков. Наконец, последняя вереница мистиков удалилась, попугаи стали прятаться в тенистой листве манго, а мы отправились к Золотому Храму, на озеро Бессмертия.

Глава 2

*Сикхизм и цари-гуру. – Посещение Золотого Храма. – Чудо-
доявленный фонтан. – Мы делаемся «бессмертными». – Ба-
зар Амритсы и сетования его жителей. – Мнение англичан о
господстве англичан. – Черный город и кантонементы. – Ил-
люминация девалли. – 92 кука, выпаленных из пушки.*

Имя *Амритсар* происходит от санскритских слов: *А* – ча-
стица отрицания, *мрит* – смерть и *сар* – источник, в целом
– «источник бессмертия». Имя это дано сначала не городу, а
талао, или озеру, посреди хрустальных вод которого, как бы
вечно любуясь собственным отражением, возвышается Зо-
лотой Храм, выстроенный Рам-Дассом, четвертым *гуру* или
царем-учителем сикхов в 1581 году. Начиная от Нанака, ос-
нователя сикхизма, таких царей-гуру (Раджа-гуру) у них бы-
ло десять. Секта, основанная учителем при помощи полудю-
жины учеников-апостолов в XVI столетии, окрепла и разрос-
лась. В XIX – она явилась англичанам разбросанною от Дел-
льи до Пешавера и от песчаных пустынь Синда до Карако-
румских гор, далеко за Кашмиром. История Сикхского цар-
ства, о котором так мало известно в Европе, что падение его
в 1849 году почти не остановило на себе внимания печати,
весьма интересна и может быть бегло обрисована в несколь-
ких словах: безустанная борьба с могущественными в те вре-
мена моголами в Индии, борьба не на живот, а на смерть, где

против одного сикха было десять мусульман. Так длилось, с небольшими промежутками, до первой половины настоящего столетия, когда англичане помирили и моголов и сикхов, приготовив им одну и ту же участь: сделаться английскими вассалами. Преемником основателя сикхизма явился некто Унгуд, учением которого, со слов Нанака, начинается *Гранфа* (священное писание сикхов), а за ним наследовал духовный престол его ученик Уммер Дасс. Он первый осмелился пойти против авторитета законоведов и грозно восстал против бесчеловечного обычая «сутти» – самосожжения вдов на кострах мужей, повелев начертать над входом к *гаттам* (место сожжения трупов) следующую надпись, в виде предостережения: «Истинная сутти (самосожница) та, которую пожирает не пламя костра, а тихая, хотя и вечная, скорбь по умершему; скорбь, коей следует искать утешения и прибежища лишь в одном Господе Боге». Ему наследовал Рам Дасс, строитель Золотого Храма. Сам город 400 лет назад был известен под именем Чак. Когда, вырыв озеро, Рам Дасс обстроил его множеством небольших храмов, то он назвал это место Рам Даспур. Он назначил себе преемником сына своего Арджуна. Как философ последний был великим любимцем императора Акбара, но в 1577 году, некто Чунду-Хан, один из подвластных халифу сирдарей из зависти оклеветал его. Тогда Арджуна, по подозрению в измене, был посажен в тюрьму, где и умер в 1606 году, если верить моголам. Но сикхи рассказывают иное. По

их преданию, царь-учитель, получив позволение искупаться в протекающем по двору темницы ручье, внезапно исчез из глаз двух приставленных к нему часовых, перенесенный на небо. Сын и наследник его гуру Говинд, оставшись после отца одиннадцатилетним мальчиком, поклялся отомстить моголам за смерть отца, и сдержал слово. Он начал с того, что собственноручно убил Чунда-Шаха, предавшего Арджуну врагам, а затем убежал за Гималаи, в пустыню, учиться *маха-видье* (великой науке, магии). Вернувшись через несколько лет уже молодым человеком, он объявил войну всем мусульманам, заставив верных сикхов¹¹ своих поклясться: раз обнажив меч, не возвращать его в ножны, пока острое лезвие каждого не отправит на тот свет по меньшей мере трех моголов. Много побил он собственноручно сынов пророка. Его меч, – по уверению автора «Дабистана», – был заколдован. Им он убил, разрубив пополам, Пайенда-Хана, а когда один из телохранителей последнего бросился, как безумный, на гуру-воина с обнаженным мечом и ударил его изо всей силы, то Говинд, ловко отпарировав удар, хладнокровно заметил нападающему: «С мечом обращаются не так, а вот так», и с этими словами умертвил его самого. Этот подвиг навел Мохсура-Фани, автора «Дабистана» и личного друга Говинда, на следующий курьезный вывод: «Сие изречение, – говорит он, – ясно доказывает, что великий гуру Говинд убивал мусульман не во гневе, а лишь с целью учить их, как следует

¹¹ Слово «сикх» в переводе означает «ученик».

обращаться с оружием; ибо первая обязанность каждого гуру (учителя) поучать».¹² Защита довольно оригинальная...

Сикхи уверены, что в тело каждого из венчаных гуру входит душа основателя учения Нанак, которая и руководит гуру до смерти. Говинд подписывался на всех документах: «Нанак, на земле Говинд», как то свидетельствуют его переписка с автором «Дабистана» и письма к могольским императорам. Говинд умер в 1645 году, и церемония телосожжения его сопровождалась дикими сценами фанатизма. Несколько обращенных в сикхизм раджпутов побросались за телом в огонь, и много других последовало бы их примеру, если бы не гуру Гар-Рай, преемник Говинда, положивший конец этому самоистреблению. Гуркишен, восьмой царь-учитель, умер в юности. Девятый, Тег-Багадур, до того побивал мусульман, что наконец император Аурангзеб послал против него целую армию. Им овладели хитростью и отрубили ему голову в Делли. Его сын, пятнадцатилетний Говинд II, последний из царей-учителей, был самый замечательный из них. Горя желанием отомстить за позорную смерть отца, он решил совершенно преобразовать сикхов и сделать из них сущих спартанцев. Среди могущественного царства моголов он задался целью уничтожить до последнего могола. Окруженный общественной деморализацией, изуверством и религиозным суеверием, он поклялся направить умы своих сикхов к одной религиозной идее: к едино-

¹² «Dabistan» II, p. 275.

божью; к одной цели – образованию великого сикхского царства.

Он верил, что им управляет не Нанак, а сам единый Бог. «Моя бесплотная душа, – говорил он в своей „Священной биографии“¹³ – отдыхает в бездейственном блаженстве, погруженная в непрерывное созерцание Единого, в то время как посланник Господа – бессмертный дух Нанака, передает вам (ученикам) слова и заповеди, начертанные перед ним огненными буквами и перстом Того, кто есть светильня мира». «Напрасно, – говорил он далее, – нисходили на землю от начала мира *Деити* (воплощения божества), дабы поучать человечество об единстве Божиим... Люди зрят Бога не иначе как через оскверненные сосуды в образе тварей Его, людей. Так, забыв *Ишвара* (Господа), индусы поклоняются Шиве, Бrame и Вишну, а Магомет, поучая своих сынов об Аллахе, учил их между тем произносить одно свое скверное имя в молитвах ко Всевышнему» и т. д. Но он, Говинд, послан теперь восстановить истину. «Хотя я и посланник Божий, – добавляет он, – но все же я не более как простой смертный раб Всевышнего, и горе тому, кто осмелится боготворить меня, червя земного!.. Тот будет гореть в огне страдания целые вечности... Бога невозможно найти в одних писаниях и це-

¹³ Каждый из десяти царей-учителей сикхов написал более или менее обширную книгу, наполненную религиозными учениями, заповедями и проповедями. Эти десять книг и составляют их священное писание, известное под именем Гранфы. Книга Говинда II называется «Вышитр Напук» – «Чудодейный рассказ».

ремониях. Он живет в сердце человека и познаваем лишь в смирении и искренности внутренней молитвы».

Изданные им новые законы были единодушно приняты сикхами и теперь составляют догматы этой секты, мало напоминающие учение Нанака. Учение кротости перешло постепенно в боготворение родины как собрания сикхов, «избранников Божиих», и в религию, известную под названием *кальзы*, в буквальном переводе «земля спасенных или освобожденных от греха»; *джихад*, священная война магометан – не более как фейерверк в сравнении с пожаром, производимым между сикхами одним словом *польза*. Во имя кальзы от большого до малого, от женщины до дитя, каждое живое человеческое существо в земле «бессмертных» подымается против врага, и будь сикхи многочисленнее, несдобровать бы тем, кто бы пожелал завладеть ими. Законы или догматы, изданные Говиндом, следующие: Бог есть дух, но хотя Его дух всемирный, он сходит на землю только, чтобы осенять сикхов, и Его присутствие нигде не заявляется Им, кроме одной кальзы; невзирая, однако на это отсутствие Бога, «все народы должны стремиться к составлению единого», т. е. должны сделаться сикхами, все, кроме «магометан, которых следует систематически и неустанно истреблять, оскверняя даже могилы их праотцев и святых». Низшие касты должно считать наравне с высшими, «ибо мы все равны перед природой». «Тройной шнурок браминов следует разорвать; и сикхи должны считать спасение души воз-

возможным лишь посредством калъзы, ожидая *пахул* (т. е. посвящения в таинства сикхизма) от одних последователей Говинда-гуру». Озеро Бессмертия и храм доступны всем кастам и сектам индусов. Воды «Озера Бессмертия» одни сулят жизнь вечную. Все сикхи должны именоваться сингами (львами). Все должны быть освящены водой,¹⁴ носить длинные волосы, не поклоняться никому, кроме Бога и его Гранфы, не расставаться с оружием, всегда драться с мусульманами и посвящать всю жизнь и энергию стали и пр. и пр. Сикх, следующий вышесказанным законам, *сутча падиша* – «настоящий царь».

Победив все препятствия суеверия и касты, основав калъзу и унизив браминов и магометан, Говинд-гуру отправился драться и побивать моголов. Сиважди, махратский герой, положивший конец династии Тимура и могуществу могольской империи, нашел в нем друга и союзника. Вдвоем они разбивали злополучных сынов пророка, истребляя их тысячами; но пришел и Говинду конец. В 1708 году, в Нудере, на берегах Годавери, во время сна, в собственной его палатке рука убийцы поразила его. Но совершилось чудо. Со смертельной раной в груди Говинд-гуру, приподнявшись, в ответ впавшим в уныние сикхам, вопрошающим его, кто же поведет их после него по пути к спасению, сказал следующее: «Смиритесь и уповайте на Господа, предаю калъзу в Его ру-

¹⁴ При посвящении или обращении будущего сикха окропляют священной водой из озера уже посвященных адептов.

ки. Тот, кто желает видиться и иметь беседу со мной, да ищет меня в гранфе Нанака. Я ваш гуру, пребуду навсегда с вами в кальзе; будьте тверды и верны долгу: где бы ни собралось пять сикхов вместе, там буду я с ними!» И он упал мертвым. Умерев на несколько часов, он ожил и его повели на Озеро Бессмертия, где он прожил еще несколько месяцев. Там, невзирая на кучу часовых, *акали*, он был снова убит ночью в своей башне.

Учение Говинда разделило сикхов на две секты. Первые – безусловные последователи Нанака – называют себя *калазами*. Они не бьют скота, не едят мяса, не употребляют спиртных напитков и не курят; проливать чью бы то ни было кровь считается у них грехом; они проводят дни в молитве и ежедневно исповедуются перед закатом солнца друг перед другом в своих грехах. Вторые, *синги*, ученики Говинда-гуру, бесстрашные воины, гроза и ужас афганов. К их числу принадлежат *акали*, или *нихунчи*, т. е. «воины Божии» и «бессмертные». Их должность: охранять днем и ночью храм, где сидит постоянно их Маха-гуру, *великий учитель*, увы, ныне номинальный! Этих *акали* 600 человек, и в народе их зовут «сипаи храма». Встреча с одним из них, как с неприятелем, вещь довольно опасная, так как эти *бессмертные* всегда ходят тяжело вооруженными, часто с мечом в каждой руке, с двумя острыми саблями за поясом, с кремневым ружьем за спиной и несколькими кинжалами. Со времени английского господства им уже не позволено ходить по улицам в таком

вооружении; но зато самое страшное и опасное, хотя с первого раза не бросающееся в глаза оружие им оставлено: иначе произошел бы мятеж. Оружие это – стальной пояс и такой же острый, пилообразный (с внутренней стороны) тройной круг, обвивающий гигантским штопором синий тюрбан «божьего воина». Этот круг от шести до восьми вершков в диаметре, страшно заостренный и выточенный, они бросали во врага с ужасающей ловкостью. Еще живы англичане, видевшие, как со страшным криком и словами: «*Вай гуруджи! Кафатт!*» (победа нашему владыке гуру!), бросив такой круг во врага, они мгновенно отсекали ему голову, а иногда обе ноги у лошади и даже у боевых слонов!¹⁵ Рунджит Синг, кривоглазый старый лев и предпоследний магараджа Пенджаба, высоко чтит их храбрость. Его «бессмертные» творили чудеса храбрости, и раз в стычке с афганцами эти шестьсот удальцов отсекли головы 2000 своих наследственных врагов. Теперь они присмирели и очень тоскуют по прежней боевой жизни, часто посылая делегации англичанам, прося вести их против ненавистных кабульцев. Почему правительство не воспользовалось их услугами в последнюю войну в Кабуле, непонятно... Кажется, просто боялись пробудить в сикхах засыпающую в них прежнюю удаль.

Теперь, правда, все изменилось. Поляны Аттока и Пешавера не служат более убежищем носорогам, за которыми так

¹⁵ См., между прочим, «History of the Sikhs» by Cap. Cunningham. Автор жил с ними долгие годы.

любили охотиться могольские императоры, и за коими, в свою очередь, охотились сикхи. Долины Верхней Индии, где брамины и кшатрии (воины) выработали постепенно такую своеобразную цивилизацию, страна, успевавшая постоянно отражать нападения всевозможных народностей от скифов до персов, и от моголов до афган, со времен Дария и Александра до эпохи Бабура и Магомета, эта страна пала, наконец... Там, где паслись носороги, теперь гремят поезда железной дороги!..

Сикхи – еще юные, свежие энтузиасты. Ни один сикх, кроме детей и некоторых женщин, не переходил еще ни в магометанство, ни в брахманизм, ни даже, невзирая на все старания миссионеров, в христианство. Ради кальзы они на все пойдут, на все решатся... Но и их законы, под влиянием западного воспитания, начинают колебаться. Они все еще питают ненависть к «сынам лживого пророка», но уже некоторые из них вступают с бывшими непримиримыми врагами своими в коммерческие компании, и они научились уже пьянству от своих новых правителей. Зато они гордятся пуще прежнего своим названием *сингов*; омывают на заре все грехи свои в озере Бессмертия и поклоняются также горячо, как и прежде Гранфе. Их уважение к Нанаку столь велико, что даже теперь они почти боготворят некоего Баба Кхейн-Синга только потому, что он прямой 16-й потомок основателя сикхизма. Этот отвратительный *баба́* (отец) тунеядствует в Равуль-Пинде, окруженный поклонением тысяч принося-

щих ему добровольные приношения свыше двух лак рупий (200 тысяч) в год. Против обычая и даже закона сикхов у этого святого мужа, кроме жены, еще целый гарем, а приношения своих ревностных, но далеко не разумных почитателей он тратит с английскими чиновниками, резидентами и коллекторами на безумные празднества, охоту и пьянство.

Едва мы подъехали к кварталу Храма, как были встречены на площади нашим старым приятелем и знакомым Рам Дассом, которого уже встречали в Бауге и который едва не сделался вместе со мной жертвой миазмов в пещерах этого имени.¹⁶ Он был сильно обрадован свиданием, и тут же на радостях и в знак своей власти показал кулак проходившему мимо мусульманину. «Божий воин» казался еще громаднее в своем официальном тюрбане. Он тотчас же вызвался провожать нас и показать все отделения храма, до самых потайных уголков. Когда мы вошли в просторный, выложенный разноцветным мрамором двор, солнце уже садилось, и Золотой Храм сиял, весь залитый горячими лучами, словно волшебное, не сего мира видение...

В этом первом дворе нас заставили снять обувь и заменили ее какими-то войлочными лаптями. Затем, сойдя несколько ступеней вниз, мы ступили на мраморную, блестящую и скользкую, как стекло, набережную, и перед нашими глазами предстало, во всей своей величавой прелести, озеро и среди оного – Золотой Храм...

¹⁶ См. «Письма из пещер и дебрей Индостана».

Это озеро – квадратный, в 150 шагов в каждую сторону резервуар с чистой, как горный хрусталь, водой. Белоснежные Мраморные ступени ведут к воде с каждой стороны, заканчивая такую же квадратную мраморную набережную, которая обрамляет со всех сторон резервуар. Огромный сквер наглухо обстроен белыми дворцами из того же отшлифованного чистого мрамора. Каждый из этих дворцов выстроен одним из многочисленных раджей сикхов и, составляя его собственность, представлен, однако, в распоряжение Маха-гуру и его «бессмертным», которые пускают жить в них разных пилигримов. С их висящими, вырезными балкончиками, портиками и террасами, эти жилища придают много красоты и поэзии «священному скверу». Заглушая городской шум, по вечерам этот сквер является прелестнейшим в мире уголком для отдыха. Между дворцами и озером растут тенистые, чудные деревья. Каждое из них посажено одним из знаменитых своею щедростью сикхом-благотворителем, носит его имя, окружено мраморными широкими ступенями для отдыха пилигримов, и почти под каждым погребен пепел самого хозяина. Одно из них было посажено самим Говиндом-гуру и пользуется особенными почестями и заботами священнослужителей.

Пройдя половину набережной, ступая по которой в моих неуклюжих лаптях, я несколько раз чуть не свалилась, мы вошли в другой, еще более обширный двор, на одном конце которого возвышалось высокое, трехэтажное сквозное зда-

ние; а на другом – крытые ворота, ведущие через длинный мраморный мост, с прелестно вырезанными, ажурными и покрытыми мозаикой перилами, к Золотому Храму, выстроенному в самом центре озера. Первое здание – *бхунга*, или дворец акали, все три веранды которого были в то время наполнены «бессмертными». Бхунга построена в азиатском вкусе. Из нее, на каком бы из этажей не находились «божьи воины» могут наблюдать за храмом, где, словно живой идол, сидит по целым дням и ночам их Маха-гуру. Здесь во втором этаже находится келья гуру Говинда, висят его боевые доспехи и журчит фонтан, чудесно появившийся из мраморного пола в ночь его убиения. Это и есть фонтан «бессмертия». Согласно легенде сикхов, мусульмане, особенно кабульцы, напустили в ту ночь дурман на «божьих воинов», так что все акали, вместо того, чтобы поочередно охранять своего без того уже раненого гуру, уснули мертвым сном. В это время подкрававшиеся кабульцы убили на этот раз *pour de bon* святого воина, отправившего собственноручно столько их братьев в преисподнюю. Чудо воскресения не повторилось: *non bis in idem*. Пробудившись от волшебного сна, бедные «бессмертные» (бывшие в те времена, впрочем, еще простыми смертными) нашли своего духовного вождя с перерезанным горлом, а у головы его высоко бивший под потолок фонтан самой чистой студеной воды с надписью: «Каждый из верных сикхов моих (учеников), напившись этой воды во имя мое, сделается бессмертным, минуя благополучно все транс-

миграции и получив полное отпущение грехов».

Поглазев на эту надпись на стене кельи, – она на диалекте *гурмукки* – мы, естественно, попросили напиток из чудного фонтана и разом почувствовали себя бессмертными...

К нашему удивлению, за приобретенное бессмертие с нас не взяли ни полушки, и наш старый приятель акали даже обиделся, когда мы ему намекнули о пожертвовании, и отвечал, что они не берут платы от «братьев». Затем мы осматривали и прочие части бхунги. Там в великолепном киоте хранятся мечи всех гуру-воинов и показываются их другие доспехи. В верхнем этаже – богато разукрашенный алтарь, куда вносят на ночь обе Гранфы, где они и запираются. Каждая в особенно отведенной для нее и охраняемой акали комнате. Гранфы покоятся до зари на густом ложе из роз и других цветов. Перед бхунгой на площадке – мраморный помост, верх красоты и вкуса; на нем купель, из которой омываются от грехов сикхи под звуки целый день играющей инструментальной музыки и священного пения. Двор был наполнен молящимися всех национальностей и сект. Сикхи до сей поры равно уважают все вероисповедания и допускают всякого сектанта, за исключением магометанина, молиться в Золотом Храме. Поэтому на девалли Амритсара и стекаются пилигримы самых противоположных верований. Здесь вы увидите и поклонника Вишну, бьющего лбом о ступени храма, и старого шаиву, зрящего в куполообразном храме эмблему своего Шивы, и ведантиста, и буддиста, и многобожника гур-

ка, и даже чертопокклонника джатта...

Пройдя мраморный мост со сквозными перилами, которые были покрыты в эту минуту густыми шпалерами одетых в собственную кожу факиров, *санньяси* в желто-оранжевых балахонах и шиньонах, да *кук*¹⁷ с Сухаревой башней белой кисеи на голове и в узких юбках, мы дошли, наконец, до Златоглавой пагоды. Словно Венера вынырнувшая из пены морской, предстала перед нами эта красавица Индии, не знающая себе соперников, кроме магометанских Тадж-Махала в Агре да Моти-Месжиб (Жемчужной мечети) в Дели. Стены ее до двух третей из чистого, превосходно отшлифованного белого мрамора ярко вызолочены под террасами, и золотые купола группируются в центре квадрата, на каждом углу которого возвышается высокая, расписанная, словно пасхальное яйцо, башня. С трех сторон храм окружен глубоким озером, с четвертой – мостом, ведущим к бхунге акали. Вода находится почти в уровень со второю ступенью каждой из трех дверей портика: с этих ступеней сикхи, словно лягушки, прыгают целый день в озеро, а вынырнув – ложатся на мокрую верхнюю ступень и сушатся на солнце в ожидании бессмертия. С трогательным гостеприимством нам было предложено погрузиться в озеро, в чем были, а затем высушиться таким же манером. Но полагая себя достаточно бессмертными, вкусив воды источника, мы отказались.

Храм не велик, но чрезвычайно изящен по своей внутрен-

¹⁷ Куки – тайная политическая секта сикхов, весьма враждебная англичанам.

ней отделке, а главное – факт необычайный в Индии – содержится в большой чистоте. Войдя в главную дверь, мы очутились нос к носу с великим жрецом сикхов. Древний старец с седою, как лунь, бородой сидел на богатых подушках под огромным голубым бархатным, вышитым золотом балдахинном и, по-видимому, прилежно читал Гранфу. Говорю: по-видимому, так как, подойдя ближе, мы увидели над съехавшими на конец крючковатого носа очками закрытые глаза и услышали громкое сопение, прорывающееся даже среди гула многих голосов, усердно бормотавших вокруг него молитвы. Маха-гуру спал сном праведных и так крепко, что даже не проснулся, когда наш друг акали почтительно стал шарить между его поджарыми коленками, выбирая для нас несколько самых пышных роз из целого вороха рассыпанных под ним цветов. Нас известили, что он не спит, а блаженствует в *самадхи*, то есть находится в том религиозно-летаргическом состоянии, во время которого высшая душа человека (атман), отделясь от тела, отправляется по делам духовной службы в мировые пространства, а брменная плоть оставляется на земле под охраной «животной души» (джив-атма). Видно, «животная» хозяйка спешила воспользоваться своими временными правами, так как в минуту нашего появления она сильно заявляла о своем присутствии. После одного громоподобного всхрапа, древний старец, ткнувшись в последний раз носом в Гранфу, вдруг открыл помутившиеся от сна глаза и, открыв беззубый рот, с изумлением вперил в

нас взор, как бы ожидая объяснений. Они не замедлили: наш услужливый акали немедля рекомендовал нас под именем «братьев из Наталла». ¹⁸ Это повсеместное в Индии наименование Америки, вследствие своего двойного значения, являлось много раз причиной всевозможных *qui pro quo*. Особенно прекрасный пол Индии, не всегда годный для избрания в почетные члены географического общества, с великим любопытством осведомлялся, насколько в нас родственного сходства с зелеными чудовищами с красными глазами и многохвостыми позвоночными хребтами, какими рисуют у них в храмах *ракиасов* (чертей) из Наталла; а увидя нас, не хотели верить, что мы не «ингрезии» (англичане).

Поглазев на нас, древний понтиф дал нам позволение влезть на восточные башни, с которых открывается великолепный вид на город. Но затем тотчас же вернул назад, дабы задать нам несколько весьма оригинальных вопросов. Один из них состоял в том, чтобы узнать – «много ли в вашем Наталле мусульман и обязует ли американцев религия травить и убивать их, как бешеных шакалов... или же англичане запрещают и натальцам трогать их, как они то делают в Пенджабе?» Узнав, что мусульман в Америке нет, а англичане не имеют права там хозяйничать, великий гуру пришел в сильное недоумение. Изъявив приятную надежду, что мусульман, быть может, оттого нет в Соединенных Штатах, что

¹⁸ *Наталл* – имя, под которым известна Америка, в переводе – «преисподняя страна». Наталлом также зовется в народе ад.

кроме горсти спасшейся от сикхов в Индостане и Кабуле под защитой англичан, они все давно пекутся в Наталле преисподнем, то есть в аду, он никак не мог взять в толк, – говорил он, – как это люди, живущие в такой благословенной стране, где нет ни мусульман, ни *ингрезии*, могли расстаться с ней, дабы поселиться в местности, кишущей этими двумя расами! После обмена несколькими столь же глубокомысленными замечаниями мы расстались, чрезвычайно довольные друг другом.

Сад, прилежащий к Золотому Храму, очень красив. В нем поют соловьи! Кашмир изобилует соловьями, как и розами, и первые часто залетают в пенджабские леса. Песнь соловьиная в саду гуру несомненный признак того, что в птице поселилась душа одного из певцов или свирельщиков храма, и вокруг дерева, где экс-певец заявляет о своем присутствии, приготовлены для него корм и вода из озера Бессмертия. Из сада мы отправились в «Черный город»...

Амритский базар представляет чрезвычайно оживленное зрелище: все лавки соединяют в себе и фабрику, и складочные магазины, и место распродажи. Они открыты для глаз посетителей с улицы, и, проходя медленно вдоль узкой дороги, вы можете составить себе верное понятие о сложном процессе фабрикации тех удивительных шалей, которые продаются здесь: «за морем телушка полушка», а за провоз в Европу – «алтын». Сидит голый индус на кончике позвоночного столба и чешет шерсть. Волны ее так и светятся на солнце,

словно струя блестящего шелка... В конурке-лавочке, рядом с этой, другой индус красит шерсть в самые яркие, чудные цвета. За этой лавкой – третья, в которой мастер, сидя за самым примитивным станком, ткёт всеми двадцатью пальцами ног и рук. Надо видеть, какие здесь вышивают золотом шали, кисеи, шелковые материи самых нежных цветов на пыльной, покрытой помоями и нечистотами улице, часто между двумя съестными лавчонками, где целый день жарятся чуреки на кокосовом масле, а рои мух затемняют свет... И никогда ни одного пятнышка?... Одно пятно разорило бы навеки бедного рабочего!

Базар здесь завален товаром из Средней Азии и дешевыми подложными произведениями из Манчестера. Последний старается всеми силами убить великолепную местную работу своими подражаниями и невозможной конкуренцией дешевизны. И действительно: кто же станет покупать драгоценно выточенных идолов из настоящей слоновой кости, которых не постыдился бы признать своим произведением Бенвенуто Челлини и которыми так славится квартал Даршани Дарваза в Амритсе, когда Манчестер заваливает базар идолами из простой, грубо выточенной на машине кости, но в десять раз дешевле? Мало-помалу древнее рукодельное искусство исчезает и скоро совсем исчезнет. Все эти драгоценные кисеи-паутины из Дакки, чудные филиграновые украшения Дели, мозаика по золоту и мрамору и работу под чернь Мурадабада, удивительное герousse по меди Бена-

реса и т. д. и т. д., превратятся в легенды. Манчестерская машина скоро уничтожит даже воспоминание о всех этих произведениях терпеливого индуса, гений коего готов заявлять себя за несколько копеек в день, но у которого и эти несчастные копейки отымают корысть английского торгаша! А 20 миллионов за афганское fiasco все-таки пожалуйста. А не дадут под видом новых податей, продадут последнего буйвола, корову, кормилицу целой семьи, а нет и этих – тюрьма!

– Но неужели же, – говорю я одному malcontent, – вы можете сожалеть о том времени, когда вы находились под деспотическим игом мусульман? Ведь теперь у вас и образование идет весьма быстро, и жизнь ваших семей в безопасности?... И проч. и проч.

И всегда один и тот же ответ: «Сознаем и великое благо образования, и разные другие благодеяния цивилизации!.. Но к чему вся эта честь, когда нечего есть?». Правда, во времена мусульманских династий нас и били, и убивали, и притесняли, да все же не морили голодом поголовно. Деньги, вымогаемые сынами пророка от индусов, оставались в стране, и рано или поздно была надежда, что они вернутся в карманы первых владельцев. А теперь?... Теперь последние соки выжимаются и исчезают навеки среди великобританских туманов. Наши голкондские бриллианты превратились в стекло; наши священные идолы красуются в Британском музее; а несметные сокровища – в сундуках Английского Банка. Наш знаменитый Кох и Нур (гора сияния) – алмаз без со-

перника, вырванный Рунджит-Сингом вместе с кровью у побежденного им шах-Суджаха, сияет теперь в венце императрицы Индии... И много-много фамильных драгоценностей, некогда ограбленных Гестингсом и К^о у прадедов владельцев принцев, вынуждены ныне выкупать за громадные суммы у проезжих английских ювелиров!..

Я беру со стола «Историю о присоединении Пенджаба к британским владениям в 1849 году», написанный англичанином, и читаю следующее: «Таким образом страна была спасена... Это несчастное многомиллионное население, истерзанное веками неурядицы междоусобных войн, постоянного кровопролития, деспотизма и совершенного нравственного, как и материального, упадка сил, наконец, вздохнуло свободно... Взятое под благодушное покровительство британской короны, оно с тех пор познало жизнь, ежедневно благословляя все выгоды цивилизации и в высшей степени справедливого, хотя и твердого управления величайшей из государынь Индии».

Видно, прав К.Н. Леонтьев: известная степень лукавства в политике есть обязанность,¹⁹ и англичане, стало быть, правы.

Мы оставались в Амритсе до дня девалли. 2 ноября часов в 6 вечера мы отправились через *кантонement* в город к храму, центру иллюминации. Кроме Бомбея и Калькутты, города Индии, конечно, не похожи на другие города вселенной. Обитаемые англичанами местности или кварталы даже

¹⁹ См. «Русский вестник», март 1879 г. «Мои воспоминания о Фракии».

не называются городом, а *Cantonement*, в отличие от Черного Города или той части городов, где обитают презренные их экс-владельцы, «сыны почвы». А города последних – не более и не менее – обыкновенные азиатские города, и кроме своих исключительных, несокрушимых памятников древности, все на один покрой. Мазанки-сакли без окон и дверей гнездятся под боком пестро расписанных хором с претензиями на название дворцов; кривые избушки на курьих ножках теснятся, валятся друг на друга, перелезают через стены и крыши своих соседей, словно спеша на приступ, и наткнувшись на глухую стену настоящего дома, прилипают к ней, заглядывая через головы нижних рядов на узкую улицу и как бы хвастая перед прохожими своими вечно развешенными на крышах лохмотьями. Эти улицы, где редко могут проехать рядом два экипажа, обыкновенно обрамлены двумя рядами лавчонок, где продается все, от совести до идиолов английской мануфактуры и от венецианских настоящих кружев, под грудой лука и бананов, до запрещенных в Англии сочинений Анни Безант, третирующих о мистериях современной физиологии. Но зато так называемые *Cantonement* в городах, как Аллахабад, Канпур, Амритса, Лахор и прочие, совсем даже не похожи на города... Это просто загородные части индусских городов, построенные большей частью после мятежа. Лет 30 тому назад почти возле каждого города был *джунгли*, или лес, где спасались отрешившиеся от света факиры и святые люди. Набравшись страху по усмирении

мятежа, англичане всех их повыгоняли, расчистили глухо заросшие рощи, разбили в них длиннейшие широкие аллеи и выбрали промежуточные чащи местом своего жительства. Можно кататься по целым часам по ровным чудным аллеям, осеняемым вековыми деревьями, и не увидеть ни одного жилища. Только издали, и от места до места, мелькают перед нами по бокам дороги белые двойные столбы с именами тех, которые живут за несколько сот сажень за ними. Чтобы добраться до них, надо въехать в эти бездверные ворота, и только тогда среди тенистых и обросших мохом деревьев вынырнет перед нами белый, окруженный верандами «бунгало». Скрываясь от жгучих смертоносных лучей свирепого солнца, эти дачи в двух шагах еле заметны из-за своих густых шатров переплетенных ветвей. Под навесами гигантских лиан и других ползучих растений, они смеются и над жарой и над солнцем... Оно здесь бессильно, и только мигает своими огненными глазищами сквозь зеленую сетку густой листвы. В Индии не жара, а луч солнечный даже во время холодного сезона чаще всего мгновенно убивает европейца.

Солнце уже почти спустилось за горизонт, когда мы выехали из нашего загородного бунгало, хотя нам приходилось ехать мили три по одним аллеям Кантонемента. Но если зной еще и в ноябре нестерпим днем, то зато ничто не может сравниться с прелестью октябрьских и ноябрьских вечеров в Индии... Воздух был пропитан ароматом растений, и целые мириады вечерних разноцветных мотыльков и мушек кружи-

лись радужными тучами в потухающих лучах дня. По сторонам аллей – озерки и канавы, по черному зеркалу которых расстилались бледно-розовым ковром плавающие чашки лотосов, привлекая целый рой светящихся жуков и мушек... Но еле заискрились в быстро сгущающихся сумерках их фосфорические блески, как по окраинам дорог стали зажигаться другие огоньки – плоские наступающей иллюминации девадали. От этого дня туземцы индусы считают свой новый год. Темные силуэты «священных факельщиков» уже стали появляться между деревьями, и их группы делались с каждой минутой гуще и многочисленнее. Тихо, неслышно перебегаемая своими босыми ногами, они мелькали как ночные лешие под кустами над лиственной нижней веткой, на крышах домов. И всюду, где только не появлялась черная рука с протянутым жезлом, внутри которого горела пропитанная кокосовым маслом священная трава «кузи», там зажигалась, как огненная точка, плоская, вспыхивала яркими цветами китайский фонарь, загорался факел... В десять минут времени запылал, как днем, целый город со всеми его окрестностями... Мы знали, что в эту минуту освещается с одного конца до другого вся поработанная, но все еще не потерявшая веры в своих богов Индия...

Но где найти слова, достойные описать чудное, волшебное зрелище иллюминированного от купола до фундамента Золотого храма и всего священного сквера сикхов. Даже англичане пришли в этот год в восторг, и их самые суровые

газеты объявили, что в продолжение многих лет ничего подобного иллюминации Амритсара в 1880 году не видела Индия! Ждали вице-короля, но он приехал лишь несколькими днями позже, и ему приготовили другую иллюминацию. Стечение народа было столь громадное, что нам пришлось оставить коляску и пробираться по базарным улицам среди слонов и верблюдов. Все до последней лачуги было залито огненным морем, и нашлось много сикхов фанатиков, которые втыкали себе горящие факелы в тюрбан, проталкиваясь сквозь народ словно передвижные блуждающие маяки... Когда мы достигли большой площади, с которой спускаются к озеру, то нашли всю левую сторону платформы занятою креслами англичан, за которыми почтительно топтались раджи и сирдари. Туда мы не пошли, а отправились прямо во двор храма, где нас ожидал Рам Дасс, который и повел нас на крышу дворца магараджи Ферикотского, пославшего приказание еще из Симлы приготовить нам на ней удобные сидения. Понятно, что сам вице-король не мог иметь места лучше нашего. Мы не брезговали туземцами и потому и имели случай насладиться этим редким, необычайным зрелищем лучше всех других европейцев: они видели перед собой один лишь освещенный храм и часть озера; а перед нами с нашей крыши открывался вид не только на храм и бхунгу акали, но и на весь священный сквер с его четырьмя набережными, на которых роились десятки тысяч пилигримов, спускавшихся от стен дворцов до самой окраины воды одною сплошною

разноцветною массой тюрбанов и вышитых костюмов; они превращали в этот вечер сквер в один пестрый луг. То была картина удивительного великолепия, нечто поразительно волшебное! Мраморный мост был полон «божьими воинами», и нам было обещано, что мы увидим и часть тайных церемоний куков.

Быть может, нам совершенно справедливо возразят, что европейцы видали иллюминации и фейерверки получше этих. Не спорю. Видели и мы такие же в Версале, в Лондоне и в других городах, но не при такой обстановке. Конечно, отражающие миллионы огней озера и пруды Версаля представляют не менее волшебное зрелище; но если сравнить окружающие толпы французов в куцах пиджаках и цилиндрах, напоминающих колена печных труб на голове, с этим пестрым волнующимся морем тюрбанов и залитых золотом праздничных костюмов; липы и каштаны (нисколько не отрицая своеобразной прелести северной природы) с пальмами и гигантскою растительностью Индии; наконец, наверное, облачное небо Запада с этим чарующим глаза темно-голубым небом юга, то мой восторг сделается понятнее.

Перед нами, почти у наших ног, как бы в одно и то же время открывались сцены самых больших европейских театров с их «Африканками», «Аидами», «Королями Лахора» и *tutti quanti* разнообразных балетов с сюжетами из восточной жизни. Перед нами красовались самые великолепные декорации когда-либо виденные европейцами в природе. Пре-

лестнейший храм среди озера, красота которого привлекает даже днем, вызывая восторженные отзывы туристов, а теперь являющийся в десять раз опозитизированнее. С высокой же крыши нашего дворца все это вместе являлось просто каким-то фантастическим сновидением, в котором трудно было себе дать отчет, но которое охватывало вас чем-то непривычным, жгучим. С этой высоты перед нами являлись не только иллюминированные здания, будто из «Тысячи и одной ночи», и дворцы, но и загородные холмы и поляны. Словно выплывая из окружающей огненный центр сквера темноты, далеко расстилалась перед нами безбрежная панорама, убегая через крыши обрамляющих озеро дворцов куда-то далеко, за небосклон, по волнистому морю лесистых холмов и полей, где, наконец, перейдя постепенно всю колоратуру горячих тонов, от оранжево-бирюзовых, золотистых отливов и до бледно-розового тумана, она вдруг исчезала в дымчатой синеве пространства. А прямо перед нами горел жар-птицей храм на озере, черное зеркало которого рисовало в себе, умножая их до бесконечности, непрерывные огненные нити, рабелепно очерчивающие узоры его, и барельефов, надписей, арабеск, как и сквозную замысловатую резьбу перил мраморного моста. Цветы, драконы, птицы, малейшее украшение в резьбе или живописи, отделявшееся пылающим контуром на темном грунте зданий, повторялись до самой глубины незнакомого с зыбью озера. Тысячи людей над водой, тысячи, опрокинутые под ее поверхностью. Они

толпились на берегах озера, раскинувшись богатым пестрым ковром до последнего предела прибрежных ступеней, некоторые до половины в воде, все молчаливые и неподвижные. Тихо и безмолвно они только простирали смуглые руки к своему «Золотому Храму», и, погружая их одновременно в прозрачные струи озера, набожно окропляли себя священной водой, сулящею каждому из них вечную жизнь в Мокше.

Вдруг неожиданно взвилась огненным шипящим змеем первая ракета, за ней другая, третья, десятая, пока вся эта подоблачная артиллерия, шипя, треща и лопаясь, не спустилась звездным потоком на головы толпы. Тогда раздались неистовые крики восторга. В продолжение целого часа все, что когда-либо пиротехника производила под видом бурков, огненных колес, римских свечей и апофеозов с прибавкою туземных гербов, вензелей и священных эмблем Индии, все это трещало, грохотало, палило вокруг нас, оглушая до боли. Но толпа ликовала: особенно одно время, когда после пущенных во множестве с башни храма миниатюрных воздушных шаров с бенгальским огнем внутри, их стало почти невозможно отличить на небе от мириадов пылающих натуральных звезд... Суеверные массы, тысячи между которыми видели фейерверк впервые в жизни своей, поверглись в прах перед ними, твердо уверенные, что то – чудо, сотворенное их гуру Говиндом, а может быть и самим Нанакой. Некоторые даже собирали по земле упавшие полусгоревшие ракеты, чтобы сохранить их как святыню. Но вот мало-помалу,

бураки стали редеть. Все глуше раздавались треск и лопанье и, наконец, все стихло... К великому горю акали прошлогодний апофеоз, в котором изображались мусульмане в фейерверочном пекле, побитые на земле и даже преследуемые в аду сикхами, был в этом году, вследствие жалоб обиженных магометан, запрещен правительством. На этот раз оно справедливо боялось возмущения. Вместо апофеоза явилось на башне Говинда какое-то удивительное колесо с вертящимся на нем чертом, и фейерверк прекратился, осталась одна иллюминация сквера.

Толпа европейцев, сидевшая на платформе возле башни с городскими часами, разошлась. Верхняя площадь тоже опустела, остались одни мы на крыше, паря над многотысячной толпой внутри священного сквера. После празднества предполагалась торжественная церемония куков, и наш акали обещал нам, что мы увидим их ход вокруг озера, во время которого они ежегодно возобновляют свои таинственные, никому не известные клятвы.

Мне уже довелось говорить об этой политической секте, которая под видом религиозных обрядов подливает масла в неугасимый в них против покорителей огонь мщения.²⁰ Несколько лет тому назад один изменник поклялся англичанам за большую сумму присоединиться к секте куков и узнать все их тайны, выдать их правительству. Он не успел в этом предприятии, так как *скоропостижно умер*. Но ку-

²⁰ См. «Письма из пещер и дебрей Индостана».

ки сделались еще осторожнее, и этот излишек осторожности и погубил многих из них. Желая доказать правителям, что их секта в сущности состоит из верноподданных, а не заговорщиков, а быть может, и потому, что несколько непокорных куков грозили своею поспешностью испортить дело, Рам Дасс Синг, их вождь и первосвященник, послал предупредить коллектора небольшого городка возле Умбалы, что некоторые из подчиненной ему паствы куки взбунтовались и грозят мятежом. Недолго думая и даже не спросив высших властей, коллектор приказал перехватать всех встречных куков, правых и виноватых, и доставить их к себе. Затем, поймав 92 человека, не дожидаясь даже над ними суда, он повелел привязать их к пушкам, выпалил из них и перестрелял всех в несколько часов.

Это не слух, а историческое в Индии событие, случившееся всего несколько лет тому назад, и известное всем и каждому. История вышла ужасная. Англичане перепугались не на шутку. Чтобы успокоить народное волнение, они тотчас же лишили коллектора места, выгнали якобы из службы и даже предали суду... На следствии, по их уверениям (поддерживаемым, конечно, англо-индийской печатью), они раскрыли какие-то сильно компрометирующие Рам Дасс Синга обстоятельства и воспользовались этим счастливым открытием: его сослали административным порядком в Рангун, на вечное заточение. Коллектора хотя и не могли оправдать, но успели так возбудить к нему симпатию английской публи-

ки, что последняя из кожи лезла, жертвуя большие суммы на подписку «бедному, пострадавшему за свою верность, чиновнику»; а через некоторое время ему дали отличное место где-то в Ярканде, в Кашгарии, куда его отправили чуть ли не постоянным посланником.²¹ Пострадал лишь один помощник коллектора, м-р Коуен (Cowen), которому пришлось, как козлу отпущения, уносить с собой в пустыню изгнания грехи британского Израиля. Рам Дасс Синг, хоть и под надзором полиции, но все еще, странное дело, живет в Рангуне. Но насильственно разъединив его с куками, англичане, к сожалению, не убили кукизма. Эта секта, словно многоглавая гидра, вместо одной потерянной головы имеет теперь их несчетное множество, считая по несколько вождей в каждом городе Пенджаба. Но кто их главный первосвященник, про то никто не знает. Дело о расстрелянных 92 куках было причислено англо-индийским правительством к разряду тех многих «неприятных, но неизбежных юридических ошибок», о которых оно, впрочем, мало заботится в Индии.

Однако нас ожидало сильное разочарование. В ту ночь, когда большая часть народа разошлась, куки начали совершать свой таинственный ход вокруг озера, но более этого

²¹ Имя этого коллектора сэр Дуглас Форсайт (sir Douglas Forsyth) весьма известно в Индии, как и в Европе. Он еще недавно был в Ярканде и разъезжал по китайским границам; в настоящее время он только что издал с собственными комментариями, добавлениями и предисловием (перевод Е. Дельмара Моргана) книги полковника Пржевальского «От Кульджи, через Тянь-Шань, в Лобнор», с картой и планами.

мы ничего не видели. Во главе процессии шел высокий седобородый сикх, в длинной белой юбке и тюрбане, а за ним несколько сот куков. Процессия шла медленно и торжественно. Держа в левой руке бронзовую, странной формы вазу, старик кропил из нее правой рукою какою-то красной жидкостью в озеро, напевая на неизвестном диалекте стихи, которые и подхватывались при конце каждого куплета хором. Процессия скоро удалилась в один из набережных дворцов. Глухо и редкими урывками доносился до нас оттуда их грустный протяжный напев. Очевидно, программа изменилась, и наш акали не хотел или не мог сказать нам что-либо более на наш счет. Вокруг нас один за другим потухали огни, и скоро остались одни лишь яркие звезды над нашими головами. Подул свежий ветер, и на высокой крыше становилось очень холодно. Мы отправились домой.

Несмотря на все наши старания и расспросы, мы ничего более не могли добиться об интересовавших нас куках. Кто и что они такое? Мы знали, что они сикхи и индусы, но есть между ними, по-видимому, отрекшиеся от веры магометане. И откуда их название, этимологию которого никто не мог нам объяснить? На запад от Кашмира до реки Индуса, в горах обитает небольшое племя под этим именем. Но эти куки все не то китайские, не то тибетские магометане-шииты, о которых англо-индийскому правительству еще менее известно, нежели о пенджабских куках, кроме, разве, того, что даже кашмирцы (не говоря уже о соседних с ними пле-

менах – бумбах, гуджерах и других) страшно бояться их *чернокнижного* знания, видя в них опасных колдунов и чародеев. Так что же имеют с ними общего пенджабские куки, эти заподозренные в политической неблагонадежности люди, и появившаяся всего несколько лет тому назад секта?

Проходя под окнами дома, куда удалились для окончания своих темных обрядов куки, мы снова услышали их пение, но уже громкое и резкое, раздававшееся в глубокой тишине ночного воздуха, словно невидимая угроза. Мне почему-то пришла в голову сцена и хор из «Гугенотов»: «La benediction des poignards».

Глава 3

Необходимое отступление. – Англо-индийцы, англичане и Англия. – Кто виноват? – Права садовника-бритта и садовника-индуса. – Концерт обоюдных жалоб. – Разница в результатах присяги на «коровьем хвосте» или на «Бхагавад-гите». – Что руководит англичанами? – Кули. – Англо-индеец en deshhabillé. – Отсутствие патриотизма в индусе.

Дойдя до этой главы, нахожусь вынужденной прервать на время нить моего рассказа ради краткого пояснения. Для многих русских Индия – такой край земли, что не обрисую я тверже не только обоюдные отношения покорителей с покоренными, но и эскиз самой страны, многие из моего пересказа о виденном и слышанном на диковинном дурбаре в Лахоре останутся и темным и невыясненным...

Не имея ни малейшего притязания на непогрешимость мнения, особенно в политике, предлагаю следующие страницы просто как личные наблюдения, поверхностные, но в общем правдивые – за это ручаюсь. Слыша столько разговоров об Индии, как пришлось мне слышать их в Симле, с одной стороны, и столько же сдержанных жалоб туземцев – с другой, судя, наконец, совершенно беспристрастно по самим событиям, развивающимся прямо перед моими глазами, думаю, что два года постоянного пребывания в стране дают мне некоторую возможность судить о ней доволь-

но правильно. Весьма мало посвященная в сокровенные таинства Калькуттского кабинета, еще менее интересуясь оными, все-таки полагаю, что иммакулатно белое не может показаться мне совсем черным или *vice versa*; тем более, что характер сношений между правителями и управляемыми до того ненормален, что всякому иностранцу бросается в глаза. В двух предыдущих главах я часто упоминала об этих удивительно страшных и ни на чем не основанных отношениях, также и в предыдущих письмах моих из Индии, и особенно в статьях: «Из пещер и дебрей Индостана», которые печатались в «Московских Ведомостях»; отношениях со стороны англичан донельзя презрительных и высокомерных, со стороны туземцев, иногда отвратительно подобоострастных и робких.

Но каждый раз, когда разговор касается их обоюдных отношений, а я позволяю себе высказать мое искреннее мнение о несправедливости и жестокости англичан к туземцам, первые уверяют меня, что я ошибаюсь, ибо ничего не смыслю в их тонкой политике, а последние на мои умиротворяющие речи и слова утешения стараются доказать, что нет во всей Индии англичанина, который желал бы им добра. Весьма скоро я пришла к следующему заключению: обе стороны преувеличивают, одна свои великие добродетели и заслуги, другая – свою будто бы незаслуженную судьбу. Первые, вероятно, в силу мудрой пословицы, гласящей, что «с жиру собаки бесятся», приехав из Англии в Индию, как бы пере-

рождаются; последние лично, положим, и не заслужили такой лютой судьбы, но Индия в общности несет теперь лишь тяжкое бремя своих вековых грехов: она сама сложила своим прошлым бедствия настоящего, и такое положение было неизбежно.

Замечательнее всего, что ни о деяниях англичан в Индии, ни о настоящем положении туземцев под британским игмом в Англии ровно ничего не знают. До какой степени это верно, можно судить из следующего: едет образованный индус, отчасти отрешившийся от суеверных предрассудков как родины, так и касты, в Европу, – едет он в первом классе, одет уже не санюлотом, а почти по-европейски, утирает нос платком, а не вилкой адамовою, манеры у него, как почти у всех туземцев, спокойные, даже изящные; да и образованием он стоит никак не ниже, а иногда и выше большей части его английских спутников. Невзирая на все это, его путешествие разделяется на два периода: период первый – до Адена, и период второй – от Адена до Лондона. От Индии до Адена, то есть до первой половины плавания, англичане от него станут сторониться, они будут смотреть на него как на презренное существо «низшей расы», словом, игнорировать его присутствие, и он редко посмеет даже воспользоваться своими правами: сесть с ними за общий стол. Но раз за Аденом и не успел еще пароход потерять берег из виду, все и вся, словно по мановению жезла волшебника, изменяется!.. С индусом начинают заговаривать. Его уже не избегают, и случись там едущий с

ним на одном пароходе в отпуск один из сановников Индии, даже и он, вероятно, заговорил бы с ним о политике, а супруга сановника благосклонно обратила бы его внимание на погоду. На обратном пути – то же. От Англии до Адена – рай. Но не успел еще стимер обогнуть раскаленные холмы Аравии и доехать до Баб-эль-Мандеба, как декорации снова изменяются: свободный британский подданный превращается в беззаветного английского раба, о каком в Англии и понятия не имеют!..

Это не выдумка, а еженедельно подтверждаемый факт. Так кого же следует в этом винить? Англию ли с ее равными для всех законами и учреждениями или же англичан, то есть англичан в Индии, что сильно изменяет вопрос... Конечно, англо-индийцев. Они одни в продолжение последнего двадцатилетия выработали в себе такие предрассудки в поборку своему высокомерию и чванству. В Индии, где все раболепно преклоняется перед ними, эти два порока раздуваются в них пропорционально с зараженной климатом печеню; в Англии никто из них не посмел бы сознаться, с каким чисто азиатским деспотизмом и презрением он относится к индусам, да и не только в Англии, но и здесь каждый из них при всяком таком намеке отрецивается от него, стараясь опровергнуть прямое обвинение. Иван кивает на Петра, а сам ни за что не сознается.

– И не стыдно вам так обращаться с бедными индусами... словно они бессловесные скоты? – спрашиваю одного весьма

милого и доброго бритта, в доме брата которого я в то время гостила.

Милый бритт широко открывает голубые глаза и на его розовом лице изображается удивление.

– Как так обращаться? Разве я дурно обращаюсь?

– Да ведь не медалью же вы их дарите, третируя их при каждом случае, словно кастильский погонщик упрямого мула.

– Вы кажется ошибаетесь. За других не ручаюсь. Конечно, есть среди нашей колонии (т. е. английской) люди слишком, быть может, суровые с туземцами. Но я лично, нет, вы право, несправедливы!..

– Ну, а вчера, когда к вам пришел по делам этот старый *рао бахадур*²² в ваш кабинет, и войдя в чулках, смиренно стал у дверей?... Ведь вы не только не посадили его, но даже и не подпустили на десять шагов.

– *Mu dear friend!* Вы рассуждаете, как женщина! – воскликнул мой приятель. – Визит старика был официальный, и я не имею права отклоняться в его пользу от раз принятой нашими администраторами мудрой политики: холодной сдержанности с туземцами. Иначе они и не стали бы нас уважать. Это политика отчуждения.

– Вероятно, совпадает с политикой сближения самого недвусмысленного характера? Разве вы не толкнули в моем присутствии вашего садовника, мирно занимавшегося своею

²² Высокий туземный титул дворянина.

работой на грядке, только потому, что он попался вам под ноги, когда мы шли по дорожке?...

– Это случилось нечаянно, – проговорил сконфуженный приятель мой, – иногда трудно бывает отличить их темную кожу от земли.

– Так, так. Ну а скажите мне, этот ваш черный садовник, британский он подданный или нет?...

– Да-а-а... конечно! – немного неохотно согласился мой собеседник, предчувствуя, вероятно, нечто предательское в неожиданном вопросе.

– И имеет одинаковые права, положим, хоть с садовником-англичанином?

– Да. Но к чему это? Я вас не понимаю.

– Так себе, любопытство иностранки и женщины. Я люблю делать сравнительные выводы... Только как вы полагаете... дав незаслуженную, да хотя бы даже и заслуженную, затрещину англичанину-садовнику... вы не рисковали бы получить сдачи?... Перед законом ведь ваш садовник был бы прав, а вы, как зачинщик, остались бы оштрафованы. Ну что, если бы индус, в свою очередь, как британский подданный дал бы вам... такую сдачу?

Мой приятель даже подскочил.

– Я... я заколотил бы его до смерти! Индус – британский подданный, но он не *англичанин!*..

В этом восклицании заключается целая поэма признания. Он как бы кладет печать на приговор над целую нацией и ее

судьбой в настоящем, если не в будущем.

Что англичане – великая и могущественная нация, это знает всякий, известно каждому также и то, что Англия как нация не может не желать Индии как лучшей из своих колоний, если не добра в нравственном, то преуспевания в материальном отношении, хотя бы в силу пословицы, что «никто не станет выжигать собственного посева». И в этом материальном отношении она действительно делает все возможное для Индии, не жалея ни труда, ни денег. Труд этот, правда, вознаграждается из казны Индии. Но то, что Англия действует в этом эгоистично, не может изменить факт, что она prepares для Ост-Индии великолепное будущее, если только дитя переживет пору строгого воспитания; к тому же такое будущее, которое было бы невысказано для этой заплевываемой страны ни при могольских династиях, ни во времена самоуправления, так как предрассудки и вековые обычаи всегда преграждали ей дорогу к прогрессу. Много горя и мук перенесла в свое время великая Бхарата; но это горе сделало ее еще способнее к ожидаемому ее полному обновлению. Еще двадцать лет тому назад индус предпочел бы тысячу смертей стакану воды, поданному ему европейцем или в доме последнего, да и не только европейца, но мусульманина, парса или своего же индуса другой касты. Принимать жидкое лекарство, приготовленное в общей аптеке, – лекарство, в которое входит вода, считалось смертным грехом; сидеть рядом с соотечественником из другой касты равнялось

исключению из своей, то есть вечному бесчестью. На лед и содовую воду смотрели с отвращением... а теперь и лекарство, и лед, и содовая вода, а особенно сеть железных дорог сделали свое дело. Под влиянием цивилизации, хоть и навязанной народу, вековые предрассудки, погубившие Индию, сделавшие ее такою легкой добычей для первых искателей приключений, пожелавших завладеть ею, начинают постепенно оттаивать, как замерзшая лужа под солнечным лучом...

Безо всякого сомнения англичане совершили и продолжают совершать неизгладимые благодеяния для Индии; но, повторяю, для будущего, – никак не для ее настоящего. Они похваляются тем, что если бы они действительно ничего не дали ей, кроме своей защиты против мусульманского вторжения и помощи для окончательного подавления междоусобицы, то все-таки они сделали бы более для Индии, нежели кто другой, не исключая и самих индусов со времен первого магометанского вторжения. Положим, что Англия сделала и более. Но зато настоящее англо-индийское правительство поступает, как мачеха, теребящая пасынков за зубы и морящая их голодом потихоньку от мужа, если действительно оно во всем другом строго выполняет заданную им от него Home Government программу. К несчастью Индии, Англия за тридцать земель от нее, а англо-индийское правительство у Индии на шее и постоянно с плеткой в руках. Само собою разумеется, что туземцы не могут быть этим довольны и по-

стоянно жалуются... Впрочем, хотя большинство их жалоб и справедливо, но во многом они виноваты и сами. Вместо того, чтобы из уроков прошлого извлечь пользу для будущего, они, словно страусы, прячут голову в песок, предаваясь горечи настоящего.

Поступай англичане по-человечески с туземцами, их власть проявлялась бы менее деспотически, не заставляла бы, конечно, индийцев так дрожать перед ними, но она упрочилась бы на почве Индии гораздо тверже, нежели теперь, любовью и благодарностью народной. Тихие и кроткие, большая часть туземцев готова лизать каждую приласкавшую их руку, благодарить за каждую брошенную им кость. Будь англичане менее свирепо-презрительны к индусам, поласковее с народом, их престиж, быть может, и уменьшился бы, но зато упрочилась бы и на будущее время их безопасность в завоеванной стране. А вот именно этого-то они и не хотят или же не способны понять. Они как бы совершенно забывают даже то, что знает каждый ребенок, что их престиж – один блестящий мыльный пузырь, безусловно зависящий от внешних, не подвластных им событий. Их власть прочна в Индии даже и с настоящей системой каст лишь потому, что туземцы питают странное суеверие к их победимости, не находя в ней и признака какой-либо Ахиллесовой пяты, а также и потому, что, по учению Кришны, они не смеют идти против «неизбежного». Фаталисты, они верят, что живут в *Калиюге*, «черном веке», и что им нечего ждать хорошего,

пока этот век еще продолжается на земле. В этих двух суевериях, как в двух неприступных крепостях, хранятся безопасность и власть англичан. Но пусть где-нибудь крепко побьют британскую армию, и мыльный пузырь лопнет, поверье исчезнет в умах индусов, как грезы кошмара в минуту пробуждения.

В Индии, где только соберутся двое англичан, тотчас же раздаются жалобы на «дьявольскую неблагодарность *черных* чертей», а там, где останутся два туземца, непременно посылаются жалобы на «черные замыслы *белых* притеснителей»... Взятые вместе эти жалобы производят на слушателя эффект дуэта «двух слепых» в оперетке этого имени. Обманывая Англию, быть может и бессознательно, насчет Индии, эти притеснители обманывают самих себя. Они поступают с туземцами, как с рабами и цепными собаками; и раб прибегает к единственному орудию раба – ко лжи и хитрости, а собака, лишь только сорвется с цепи, запустит ему зубы в шею. Под этим пагубным влиянием все нравственно хорошее в этом народе: чувство чести, долга к ближнему, благодарности, – все, все в нем вымирает и заменяется либо отрицательными качествами, полною апатией, или же самыми низкими пороками. Тридцать лет назад вы могли пойти к первому встречному меняле (он же и банкир), сидящему на улице в своей конуре, и смело оставить у него целый капитал, не взяв у него даже и расписки; вы могли уехать после того и, вернувшись через год-другой, потребовать его. И

при первом слове банкир-меняла отдал бы вам ваши деньги, будь то хоть миллион.²³ В те блаженные дни слово индуса было свято, и его выгоняли из касты за малейший нечестный поступок... До переворота 1857 года расписки были почти неизвестны в Индии: довольно было одного свидетеля для какой угодно сделки. А теперь?

Теперь подкупные свидетели расплодились не сотнями, а тысячами. Индус проведет десять цыган. При старых порядках, заставив туземца взять в руки коровий хвост и принести на нем присягу, судья мог ручаться жизнью, что индус не даст на священном хвосте ложного показания; теперь, при новом судопроизводстве, их заставляют безразлично всех принимать присягу на «Бхагавадгите» (писание о Кришне), даже и тогда, когда свидетель вовсе и не верит в Кришну, а поклоняется Шиве или Вишну. «Коровий хвост», извольте видеть, «слишком шокировал врожденное в бритте чувство эстетики», – так объясняют эту перемену в судопроизводстве англичане. Но не от излишней ли заботы вознаградить Индию в эстетическом и артистическом отношениях так оконфузили ее в нравственном и экономическом?

А вот судите сами. Украсив, например, страну великолепными общественными зданиями, по большей части огромными замками и казармами, они дозволили такому памят-

²³ Это мне с горестью рассказывали некоторые прожившие всю жизнь свою в стране англо-индийцы, между прочим, мистер Ю., богатый англичанин, занимавший в продолжение сорока лет самые важные административные должности в стране.

нику, как двухтысячелетний Сарнаф, построенному еще до Александра Македонского, гнить и разваливаться сколько угодно. Направив свои созидательные силы к сооружению университетов, ратуш, клубов, масонских лож (в европейском вкусе) и повыгнав из всех этих учреждений, кроме первых, туземцев, они предоставили зато в полное распоряжение последних все сооруженные ими кабаки для сбыта испорченных отечественных водок, со включением дурмана, именуемого шотландским *виски*. Они насильно одели всю Индию в манчестерские произведения и разорили тем все бумажные и другие прядильни страны; заставили индусов молиться на богов бирмингемского изделия, резать шефилдской сталью; научили даже обжираться, напившись водкой, испорченными консервами, сгнивающими здесь в одну неделю, и вследствие этого умирать от холеры сотнями. Какой же им еще эстетики?

Справедливо заметил мне один индус, что европейская цивилизация, к которой туземцы не подготовлены и не способны оценить ее, действует на их страну, как роскошное, но ядовитое *манценило*, пересаженное в цветущий сад: оно губит своими роковыми испарениями все прочие растения. «Неужели это может быть месть? – спрашивал меня недоумевая этот молодой студент, – месть за последний мятеж?... Но ведь ни Индия вообще, ни мы, люди последнего поколения, не причастны к преступлению!.. Так за что же?»...

Да простят мне симлинские сановники за невольное подозрение... но в замечании бедного студента есть доля правды. Луи Жаколио это давно подметил: «Англичане перепугались, как никогда еще не пугались до того времени. Они никогда не простят Индии этого испуга», – говорит он в одной из своих книг. Мщение это, конечно, давно перешло в состояние бессознательности, и они мстят по привычке. Полагать, будто люди неотъемлемо умные в своей политике станут делать сознательно всевозможное, чтобы губить, а может быть, и потерять Индию, «драгоценный перл в венце императрицы», право, было бы слишком глупо! С другой стороны, они именно так и поступают, и мне не раз заявляли в дружеском разговоре англичане, прожившие долгие годы в Индии, знающие страну и ее жителей, как свои пять пальцев, и отрекшиеся от коронной службы вследствие одного отвращения к новой системе...

Несмотря на все старания и улучшения, на учебные фермы и ученых техников, судьба земледельческих классов двух третей народонаселения не улучшается, а с каждым днем ухудшается. Большая часть этих несчастных довольствуется пищей один раз в сутки, и какую пищей! Последний нищий в России отвернулся бы от таких яств, дворовая собака у скряги-жида ест лучше: горсточка полусгнивших круп (рис слишком дорог) или пучок завялых овощей с водой, – вот вся дневная пища *кули!*..

Бедный, горемычный индус *кули!* Есть ли в мире суще-

ство терпеливее и несчастнее его? Встает он до зари и ложится на мать сыру землю перед зарей, работая по шестнадцать часов в сутки за четыре *анны*,²⁴ а не то так и за пинки... и Бога-то у него нет, потому – некогда, а затем – неоткуда, да и не от кого занять Бога. Брамины отвергают горемыку как нечистого парию, и веды или из вед молитва ему строго запрещены. Даже *падри* перестали соблазнять его в христианство, с серебряною *рупией* в сжатом кулаке руки, предлагающей ему крест. Кули примет монету, и только что окропит святою водою *падре*, как кули пойдет и купив коровьего навоза,²⁵ на приобретенные капиталы, вымажется с головы до ног в священном продукте, а затем воссядет идолом пред другими кули, которые станут на него молиться...

Обращение англичан с туземцами высших образованных классов холодно-презрительное, подавляющее, является здесь делом гораздо более серьезным: тем более, что образованные туземцы к этому не привыкли, да его и не было во времена Ост-Индской Компании.

Послушайте, что говорит о чувствах индусов к их правителям «Statesman», откровеннейший из лондонских журналов: «Не финансы Индии, – гласит газета, – причиняют нам главное беспокойство, а положение, до которого доведены массы населения нашим правлением, и безусловная низость нашего поведения в отношении к туземным владельцам. Мы

²⁴ 10 сантимов.

²⁵ Навоз здесь дорог и продается на вес.

ненавидимы как классами, бывшими до нас влиятельными и могущественными, так и воспитанниками наших же учебных заведений в Индии, школ и коллегий; ненавидимы за наше эгоистичное, полное отчуждение их от всякого почетного или доходного места в управлении их собственной страной; ненавидимы народными массами за все невыразимые страдания и ту ужасающую нищету, в которые ввергло их наше государство и господство над ним; ненавидимы, наконец, принцами за тиранство и угнетение их симлинским foreign office».

Эти слова были перепечатаны всеми туземными газетами и журналами без комментариев.

Так ли было при Ост-Индской Компании, которую выгнали из страны за последний мятеж? Нет, конечно, нет! Со всем ее эгоизмом, вымогательствами, жадностью и недобросовестностью, покойная Компания умела ладить с туземцами. Она не заставляла их чувствовать ежеминутно превосходство своего рождения. Туземцы сами преклонялись перед превосходством оружия и нравственной силы англичан и уважали их, тогда как теперь они лишь боятся и ненавидят их. В те дни, когда поездка в Индию была кругосветным плаваньем, авантюристы, отправлявшиеся искать фортуны за морями, делались настоящими англо-индийцами. Многие из них, родясь и умирая в Индии, прожив в ней безвыездно тридцать-сорок лет, не в гордой замкнутости, как делается теперь, а пребывая долгие годы в постоянном обществе

туземцев, – так, наконец, свыкались с их образом жизни и даже мышления, что знали о нуждах Индии и сочувствовали им не менее самих индусов. В те блаженные дни они не только не презирали их, кичась перед туземцами своею белой кожей, но даже часто вступали в законные браки с туземками. Дрались они и с раджами и законными обладателями земель, которые они у тех отнимали во имя Англии, но с народом ладили и всегда были в дружбе. Но вдруг грянула беда непредвиденная. Удар грома 1857 года поразил страну, и все изменилось! С последними судорогами Делльи настал конец и пресловутой Компании... Храбрые авантюристы, но все же «джентльмены», распорядившиеся до той поры судьбами народов Индии, исчезли в вихре, вырвавшем с корнем как Могольскую империю, так и последнюю независимость сотен раджей. Индия была передана короне, и на место лихих авантюристов были присланы новые люди, и пошли реформы...

Не знаю, выиграла ли от этой перемены сама Англия; развивать этот вопрос теперь не приходится, но если верить не только единодушному показанию туземцев, но и признанию многих англичан, то Индия потеряла много. Какая до того индусам нужда, что безнравственная деятельность таких авантюристов, как Уорен Гастингс с компанией, сделалась в Индии впредь невозможной? Для людей с подобными своеобразными, сложившимися веками воззрениями на добровольные взаимные сделки, каковы индусы, да и вообще все

азиаты, правитель восточного пошиба вроде Гастингса, готовый взирать с благосклонностью на всякие преподношения от целой провинции до Гоголевского – «борзыми щенками», несравненно приятнее правителя из породы беконсфильдовских салонных левреток. С первыми можно было и сговориться, и войти в личные сношения, и, теряя с одной стороны, выигрывать с другой; а последние, являясь каким-то недоступным светилом, бюрократом и формалистом, смотрит на туземца как на гадину, до которой не следует дотрагиваться даже и в перчатках, а только следует управлять ею, наступив крепко каблуком на хвост.

Без сомнения, с новыми порядками, введенными в страну вследствие мятежа, индус стал цивилизованнее. Вместе с прелестью вышеупомянутой европейской эстетики он познал много, чего при Компании не ведал, а именно то, что Фемида в цивилизованных государствах должна оставаться столь же слепой, как и в не цивилизованных, но зато должна пребывать и неподкупной, но узнал он это лишь на теории, не веря, конечно, в самый принцип, а на практике поверяя часто и противное. Познакомился с утонченными понятиями о гражданских добродетелях вообще, и о чести джентльмена – в частности в своих повелителях; а сам лично под постоянным прибоем тяжелых волн английского презрения утратил и последние понятия о собственной чести, как и всякое чувство собственного достоинства.

Выходит, что Британское правительство с лучшими на-

мерениями губит Индию. И по-моему, дело это непоправимое, хотя бы потому уже, что, даже исправив все ошибки последнего двадцатилетия, а особенно за время Дизраелевского царствования, Англия все-таки неспособна ни исправить испорченной в стране нравственности, ни переделать натуру англичан, которые так сильно врезались в вырытую собственным презрением ко всему туземному колею, создали со своей стороны такие крепкие, хоть и искусственные запруды, что не сойтись им с индийцами и в тысячу лет. Скорее воды Темзы сольются с водами Ганга, чем англичанин в Индии взглянет на индуса, как на равного себе, будь этот индус размагараджей и веди он свой род от дней Адама. Англичане чувствуют положительно непреодолимое отвращение к индусам. Как я заметила выше, это психофизиологический, а не политический вопрос. Кроме нескольких старых переживших мятеж англо-индийцев, присылаемые сюда из Англии чиновники, если и приезжают в страну без особенно сильных предубеждений, то разом заражаются окружающей их атмосферой, насильно втягиваются в нее и не могут бороться против публичного мнения, выражаемого всею английской колонией. «С волками жить, по-волчьи выть» – эта поговорка применяется к английскому гораздо более, чем к какому бы то ни было другому европейскому обществу. В нем и чихнуть «не по-английски» опасно: тотчас же переглянутся с обычной им миндально-уксусною улыбкой и сделаются еще величественнее, ласковее с чихнувшей лично-

стью и закивают головами, как бы говоря: «бедный иностранец... не привык, не знает еще изящных законов нашего общества!». Одно лишь огромное немислимое в другой колонии жалованье и предоставленные службой в Индии выгоды привлекают сюда чиновника. Но он живет здесь лишь надеждой вернуться домой, считает время трехлетними периодами от одного отпуска до другого, создает себе в стране искусственный английский мирок, и все, что является за пределами этого мира, возбуждает в нем невыразимую гадливость и отвращение...

Описав англичан и их выработанную здесь характеристику, взглянем на туземцев и посмотрим, насколько они заслужили свою лютую судьбу. Выскажу мысль, которая может показаться парадоксальной, хотя оправдывается неопровержимыми фактами. В индусах нет, да и не может быть того чувства, которое мы, европейцы, привыкли называть патриотизмом, то есть любовью к своему отечеству в отвлеченном смысле этого слова. Нет той горячей привязанности к учреждениям родины как целого чувства, электризирующего иногда целую нацию и заставляющего ее подниматься, как один человек, для прославления или на защиту отечества: нет той отзывчивости на ее горе, как и на радости, на славу, как и на бесчестие ее... а нет в них такого чувства по столь же простой, как и понятной причине. Эта причина – очевидный и всем известный факт. Кроме отеческого дома или избушки, где ему случилось увидеть впервые Божий свет, у индуса,

говоря вообще, нет другой отчизны. Скажу более: на своих ближайших соседей через стену родительского дома туземец уже часто взирает вследствие священного для него закона, предписанного его религией, не как на соотечественника, а как на чужеземца совсем другой расы, если только эти соседи не одной с ним касты. Это уже подтверждается тем, что, говоря про индуса, живущего, положим, по другую сторону его поля, первый индус отзовется как о беллати (чужеземце), термин презрения, относящийся не к одним европейцам. Таким образом, чуждый чувству патриотизма в случаях вторжения или междоусобицы, туземец, невзирая на личную храбрость, заставлявшую его защищать родной очаг и семейство до последней капли крови, интересовался да и теперь интересуется весьма мало судьбой как Индии в ее интегральном значении, так и своего ближнего, если только этот ближний не принадлежит к его касте, или даже к тому специальному отделу или подразделению касты, к которому он причислен сам.

Географическая страна разделена на бесчисленные *раджи* и малые государства; этнологически – на сотни племен и национальностей; номинально – на две расы: на ариев и семитов, или индусов и моголов, то есть на две главные религии: магометанскую и брахманскую. Обе веры находятся между собой в вековой непримиримой вражде, и только присутствие британских войск сдерживает фанатизм обеих рас, которые иначе стали бы резать друг другу горло на каж-

дом религиозном празднике той или другой стороны, а таких праздников несколько десятков в году как у моголов, так и у индусов, особенно у последних. Далее, даже магометане разделены в Индии на большое число враждебных друг другу сект, неизвестных среди правоверных Турции и Европы. Об индусах же и говорить нечего: номинально все они (около двухсот миллионов) принадлежат к так называемой «вере браминов» и преклоняются перед священным законовещением Ману и Ведами. Но ведь и рыбы, пожирающие друг друга, живут в одной воде. Взгляните в безлунную летнюю ночь на небо с его тысячами звезд, если желаете получить понятие о кастах, субкастах, разделах и подразделениях веры браминов. Они и сами говорят, что их священные Веда – всемирный безбрежный океан, из-под солоно-горьких вод коего вытекают тысячи источников чистейшей воды. Понимай так: воды Вед-океана слишком солонны для обыкновенного желудка: поэтому, дабы сделать их годными, явились хитрые *гидрологи* под видом браминов, которые и занялись фильтрацией этих вод, каждый из них комментируя древнее писание по-своему. В результате с веками оказалось следующее:

Номинально индусы разделяют свою расу на четыре касты: 1) *брамины*, или сыны бога Браммы, 2) *кшатриши*, или воины, 3) *вайшии*, или торговцы и 4) *шудры*, или чернорабочие, низший класс. Но каждая из этих каст подразделяет себя на субкасты (от пяти до тринадцати), которые, в свою очередь,

распадаются на фракции, коим нет числа. Словом, каждая каста есть гамма тонов, нисходящая от высокой до низкой ноты; только вместо семи в ней «до семижды семидесяти» тонов. Так, например, в двух главных подразделениях браминов высшей аристократии мы видим, что «панча дравиды» и «панча гинды» (первые – жители южной, а вторые – северной Индии), две субкасты, не могут ни вступить между собой в брак, ни есть вместе пищу, *в которую входит хоть одна капля воды*; но обе субкасты – брамины, и всякую другую пищу могут есть в компании! Гуджератский брамин примет воду из рук или из дома махратского брамина, но не станет есть рис, приготовленный последним. Брамин *Дешашта* имеет право разговаривать с брамином *Кархада* издали, но если нечаянно перейдет его тень или дотронется до него, то сильно осквернится!..

Теперь спрашивается: может ли Индия при такой системе быть не только рассадником патриотизма, как то полагают некоторые писатели, но даже породить время от времени патриотов? В ней до 200 миллионов индусов, принадлежащих к одной вере; но как христианская религия не мешает такому же большому числу европейцев воевать и ненавидеть друг друга, так и здесь в Индии. Есть в ней индусы махраты и индусы пенджабы, бенгальцы и дравиды, гуджераты и раджпуты, кашмирцы и непалийцы и пр., и все они – индусы. Но воображать вследствие этого, что раджпут считает частью своей родины Деккан или Бенгалию и при случае

поднимется на ее защиту так же нелепо, как надеяться, что москвич станет гореть желанием отомстить зулусам, побившим англичан, или взглянет на Испанию, как на часть своей родины, потому только, что она в Европе!..

Англичане позволяют миру полагать, будто одни они, со сравнительно малым войском усмирили бунтовщиков в 1857 году, покорили и испепелили Могольскую династию в Дели и окончательно приковали к запяткам Великобритании индийских раджей, как приковывались во времена древности цари-пленники к колесницам победителей. Но не потому ли они и похваляются этими подвигами, что история мятежа еще никогда не была никем другим писана, кроме их самих? Не будучи в состоянии вырвать эту кровавую страницу из летописи покорения Индии, они ее расписывают по-своему. А если представить дело в его настоящем виде, выйдет, что они и во веки веков не усмирили бы мятежников, не помоги им пенджабы, особенно сикхи. Никто не будет столь глупым, чтоб усомниться, как в их личной храбрости, так и в превосходстве их военного гения, вооружения и всего прочего над азиатскими народами: но сила соломѹ ломит, и если во время мятежа они были душой в военных делах, то пенджабы с некоторыми другими оставшимися верными Англии племенами были тою сильною рукой, которая раздавила одну голову за другой этой многоглавой гидре, собравшейся было позавтракать зазевавшимися бриттами. И мятеж поглотил бы их всех до единого, когда бы не «верные наши пенджабы»,

как выражаются англичане в свои редкие минуты справедливости к туземцам. А пошел индус на индуса, восстал брат на брата вовсе не из верности, как и не из особенной любви к англичанам, а просто, во-первых, из личного мщения сикхов к индусам центральной Индии, войска и многие из племен которой помогли их общему врагу покорить Лахор и Пенджаб в 1845–1849 годах; во-вторых, из вековой ненависти к моголам.

Тот ошибается, кто полагает, будто англичане завоевали Индию. Они просто пришли и взяли ее, захватывая мало-помалу провинцию за провинцией, одно владение за другим... Они встречали сопротивление в раджах и дрались с отдельными владетелями, но народ всегда оставался безучастным и совершенно равнодушным зрителем борьбы.

Кроме этого полного отсутствия всякого патриотизма в индусах, о котором заявлено выше, это равнодушие объясняется следующим мало известным фактом. За исключением могольской и немногих чисто индийских династий, все ныне существующие плеяды магараджей и раджей в былые времена не были ни царями, ни даже независимыми владетелями своих территорий. Принадлежа без исключения к касте кшатриев (воинов), они были только вооруженными защитниками народа, обитающего на известном пространстве той или другой территории Индии, и по взаимному соглашению, получая известную с него дань продуктами и деньгами, обязывались защищать его от нападений соседей и во-

обще блюсти его интересы, управляя им и разбирая его жалобы по законам Ману. Законы последнего были повсеместно в Индии и считались, как считаются и теперь, чем-то священным, и вследствие этого, непреложным. Поэтому вдоль и поперек Индостана, невзирая на разницу каст и религиозных сект, страна с ее сотнями отдельных *радж*²⁶ управлялась под одним и тем же уложением, священный текст которого служит непреодолимою преградой к какой бы то ни было реформе. С веками свод законов Ману перешел в мертвую букву: страна покрылась тиной, как пруд стоячей воды, заснула старческим сном, пробуждаясь лишь урывками то в одном, то в другом месте, там где происходил минутный переполох, причиненный одним из его многочисленных врагов. Но ни разу с первых страниц ее истории до последней не поднималась еще Индия всецело, не стряхивала с себя вековой плесени, ни разу не отозвался болью ни один из членов ее в то время, как вторгшийся враг увечил другой член... Пришли англичане и предложили себя защитниками вместо раджей: подумал один, поразмыслил другой из народов Индостана, и каждый в свою очередь, увидя, что пришельцы побивают их прежних хранителей, стало быть, сильнее последних, и предлагают им такую же и еще более надежную защиту, да и требуемая дань не требовалась им на первых порах столь высокая, и вот стали эти народы один за другим беспрекослов-

²⁶ Титул «раджа» происходит от слова *радж* – царство или государство. Есть такие, что состоят всего из нескольких сот десятин.

но сдаваться. У них не требовали отречения ни от законов Ману, ни от веры их праотцев, и они, ничего не теряя, приобретали, как они думали, условия гораздо более выгодные. Что за дело каждому из них отдельно до других, совокупно? Его хата с краю: а тот ли, другой ли *беллати* ими управляет, индусам, кроме браминов, совершенно безразлично...

Глава 4

Город прокаженных. – Бессильная злоба газет против теософов. – Лахор в ожидании вице-короля. – Лахор при мусульманах. – Его древность и кем построен. – Мавзолей Рунджит Сита, его четырех жен и семи невольниц. – История его любимой жены, рани Чинды, и ее смерть в Кенсингтоне. – Сын «Пенджабского старого Льва». – Пушка Талисман. – Лагерь магараджей. – Серебряный фазтон раджи Джинда. – Соперничество двух науабов.

Поспешая в Лахор на дурбар, мы отказались даже от удовольствия насладиться зрелищем 9 000 «прокаженных», или «белых индусов», как их здесь называют, составляющих население городка Тарн-Тарана в семнадцати милях на юг от Амритсара. Тарн-таранцы составляют единственное исключение между жителями прочих городов, находящихся на британской территории: они изъяты от чести видеть англичан между чиновниками своего гражданского управления. Как видно, высшей расе белых не улыбается перспектива сделаться еще белее... Вследствие этого Тарн-Таран и представляет давно невиданную в Индии аномалию: белые жители управляют черными властями... Сюда посылаются на поселение прокаженные со всего Пенджаба, а изъятые от этой болезни индусы и «полу-касты», или *евразии*, управляют городом...

В Лахоре уже собралась порядочная масса англичан со всех концов Индии для торжественной встречи нового вице-короля. Все отели и «бенгау» были переполнены приезжими, и только благодаря распорядительности наших туземных теософов мы смогли избежать неприятности ночевать среди поля в палатке. Узнав, что мы будем во время дурбара в Лахоре, восемнадцать туземных теософических обществ прислали своих делегатов к нам, и мы неожиданно очутились во главе маленькой армии. Это весьма не понравилось неприятелям нашего приезда, которые еще до нашего приезда сделали нам честь посвятить несколько передовых статей в своей газете «Civil and Military Gazette», самой изысканной брани, направленной против нашего общества вообще и его основателей – в частности. Эта газета в пылу бессильного негодования даже выразилась так: «Обморочив (?) всю Симлу, теософы, как недоброй памяти Тамерлан, угрожают теперь вторжением Лахору». Аллахабадский же «Indian Herald» в продолжение целого месяца просто скрежетал зубами. Сравнив нас с Парнеллом и его «разбойничью шайкой ирландцев», газета раздражалась ругательствами, суля правительству всевозможные ужасы, если оно только «не освободится от зловредной пропаганды русско-американского теософизма, соблазнившего уже стольких английских чиновников в Индии».

Что теософы – смиренные философы, любознательность которых не простирается за пределы чисто отвлеченных во-

просов, известно каждому англо-индийцу. Всякий из них знает, что библиотека наших многочисленных обществ, изобилуя санскритскими и палийскими рукописями, не обладает ни одним сочинением даже о политической экономике, не говоря уже о чем-либо другом политическом. Тем не менее, полиция не оставляла нас своим вниманием.

Наконец, благодаря протекциям, нам удалось оправдать наше присутствие на родине Нана-сайба... Узнали калькуттские мудрецы нас покороче и убедились окончательно в том, что мы не сносимся ни с генералом Кауфманом, ни с афганцами. А раз убедясь в том, что мы гораздо более интересуемся разрешением «загадочной проблемы, почему браминам могла прийти оригинальная мысль представлять земной шар поставленным на хребет слона, помещенного, в свою очередь, на спине черепахи, а черепаху, висящей в воздушном пространстве», нежели прозаическим вопросом о присутствии сынов Альбиона в Индии, – англичане, по выражению гадалщиков на картах, «успокоились, наконец, собственным беспокойством».

Мы приехали в Лахор 6-го, а вице-короля ожидали только 9-го ноября. Поэтому мы и воспользовались этими тремя днями, чтобы пуститься в поход за древностями, которыми столица Пенджаба изобилует не менее других городов Индии. Лахор – один из древнейших и знаменитейших городов северного Индостана. Он расположен на левом берегу реки Рави, под 31о северной широты. Невзирая на близость Гима-

лайских хребтов, в продолжение семи месяцев в году, благодаря сухости климата и соседству песчаных пустынь Синда, от жары здесь у европейцев кожа делает трещины и лопается... Но к ноябрю жара спадает: вечер и утро прохладные; а к декабрю река в некоторых местах даже льдом покрывается. В это время года туземцы, шныряющие при 40° в тени, как живчики в воде, впадают в спячку, еле двигаются и начинают замерзать, как мухи. Так было и теперь. В то время как мы просто не знали куда деваться от ноябрьского солнца, наши спутники и чичероне, различные синги, кутались в коляске в меха и шали, а наши кучера и скороходы дрожали под стегаными одеялами, заменяющими шали для простонародья.

Во времена оны Лахор был в несколько раз обширнее, и его история связана с историей каждой из магометанских династий северной Индии. Величие этой столицы было воспето во дни древности как бардами, так и прозаическими летописцами страны. Но теперь город не более одной мили в длину и трех – в окружности. Говорю, конечно, о «Черном Городе», ибо «кантонement» брезгливых бриттов расстилается на необъятное пространство. Его сады и аллеи, стискивая город словно боа-констриктор в своих удушающих кольцах, окружают его со всех сторон. И вероятно, чтобы белому «кантонementу» было удобнее наблюдать за поведением своего черного питомца через головы изображенных на Древней городской стене богов, эту стену в 30 футов понизили до 15 для большей вентиляции, если верить гиду. Как бы то ни

было, но древнюю стену крепко попортили...

В этой стене ворота, а на северной стороне – цитадель, ныне переделанная под станцию железной дороги. Глубокие рвы, некогда окружавшие городскую стену, завалены, и на них разбиты великолепные сады...

Начало Лахора теряется во мраке глубочайшей древности. Современные английские историки, положительно страдающие какою-то антикофобией во всем, что касается древностей Индии, чрезвычайно было обрадовались, не найдя имени Лахора в сказаниях греческих историков времен Александра Македонского. Но так как историки походов великого завоевателя были только историками, описывающими маршрут сына Филиппа, а не всеобщую географию Индостана, то этот факт ровно ничего не доказывает. С другой стороны, оказывается следующее: в летописях Джуллундера, города в 80 милях от Лахора, куда раджпуты эмигрировали из Мултана 1400 лет до нашей эры, упоминается о посещении в V столетии до Р. Х. царем Лах-Авара своего деверя, царя «двенадцати Махаллов» или Джуллундера, состоящего из 12 крепостей. Алах-Авар и есть Лахор, хотя бы по очевидной этимологии своего имени, разобранной и доказанной санскритологами. Местное предание приписывает основание Лахора и Кашура (развалившийся городок возле первого) двум сыновьям царя Рамы, обоготворенного индусами героя Рамаяны: Лаху и Кашу. Лах выстроил крепость и назвал ее своим именем: Лах-Авар, т. е. «крепость Лаха». Туземные *панди-*

ты (ученые) доказывают, что Лахор ровесник древнейшим городам, основанным на западе Индии раджпутами. Верно одно: в VII столетии христианской эры мусульмане нашли Лахор цветущим, богатым городом, как это и показано их историками. В 1241 году он был взят и разорен дикими ордами Чингиз-хана, снова отбит, и затем опять завоеван в 1307 году Тимуром «бичом вселенной»; в 1436 году взят приступом Белол-хан-Лодием, одним из афганских вождей; а афганской династии был положен конец императором Бабуром в 1524 году, с которого времени он и основал Могольскую империю. До 1767 года каждый из последующих императоров: Хумаюн, Акбар, Джахангир, Шах-Джахан и Аурангзеб соперничали со своими предшественниками в усилиях украсить Лахор, обессмертить имя свое в постройках великолепных мечетей, памятников и крепостей...

В Лахоре, однако, эти образчики восточного зодчества весьма пострадали. В конце прошлого столетия, во время долгой борьбы с магометанами, которая и окончилась взятием города приступом Рунджит-Сингом, обе непримиримые армии оставили неисправимые следы своего зверского фанатизма. В знак обоюдного презрения, заявляемого в перемежающихся победах, пока одна армия резала священных коров в пределах храмов сикхов, чем оскверняла навеки пагоды и пруды, другая побивала свиней, обмазывая их кровью стены мечетей и затапливая ею гробницы правоверных. Вследствие этого во время необходимой передел-

ки и процесса «очищения» как храмы, так и мечети сильно попортились. Но есть еще между ними вполне достойные посещения... Таковы, например, у Делийских ворот мечеть Вазир-хана, построенная над останками какого-то газинвидского святого в 1634 году; Сонери-Месжид, или *Золотая Мечеть*, воздвигнутая в 1753 году Бакхвири-Ханум, царицей лахорской, царствовавшей после смерти мужа; четырехугольник Джамы-Месжид, перед входом куда Аурангзеб выстроил в 1671 году широкую лестницу из разноцветных дорогих плит, из камня, известного в Кабуле под именем *абри*; наконец, затем прелестнейший сад Газури-Бхач, где находится мавзолей самого Рунджит-Синга, превратившего было Джаму-Месжид, великолепнейшую из мечетей Лахора, в амбар.

Мавзолей великого царя пенджабского, смесь индийского и сарацинского стилей, самая курьезная, хотя и современная постройка. В центре саркофага возвышается мраморная площадка, посреди которой красуется натуральной величины лотос, в сердцевине которого хранится прах сожженного Старого Льва, а этот лотос окружен одиннадцатью другими лотосами поменьше, которые, как и первый, служат погребальными урнами и содержат в себе прах. В четырех из священных цветков – пепел четырех *самти*, добровольно испепеливших себя живыми четырех жен магараджи, а в остальных – пепел семи прелестных невольниц, молодых девушек из *зенаны* (гарема), приговоренных к костру ради этикета

и последних почестей царю лахорскому. Будем надеяться, что и эти сожгли себя добровольно, так как об этом история умалчивает. Впрочем, сопровождавший нас почтенный старец сикх, великий почитатель обычаев древности и уверявший нас, что он сам был очевидцем церемонии в 1839 году, рассказывал нам, что горе по Рунджит-Сингу было столь велико, что если бы не закон, то все они до одного человека бросились бы за своим любимым царем на костер. «А невольницы, – добавил старец, – они, прыгнув как газели на погребальное ложе, уселись за своими господами у ног царского трупа, в то время как одна играла на *бвине*,²⁷ другие пели песни ликования о соединении во *мокше*, пока дым разгоревшегося костра не прервал их голосов навеки, а пламя не превратило их юных тел в пепел!»...

Но все жены Старого Льва отправились за супругом в ту Долину вечного молчания,
Где нет ни слез, ни воздыханья...

Главная из них, обожаемая Рунджит-Сингом, *рани* (царица) Чинда, из любви к сыну отказалась от блаженства *сутти* и осталась в сей юдоли плача сражаться за него и защищать сыновьи права на престол... Грустно кончила эта знаменитая в современной истории завоеваний Англии женщина. Ее сын, которого она так любила, из-за корысти и трусости пер-

²⁷ Род гитары.

вый вошел в заговор с врагами против нее, предав и мать, и страну... Он до сих пор здравствует, растолстел и, проводя большую часть года в своем имении Эльведен-Голл²⁸ в Англии, среди своих закадычных друзей: лорда Грея (сына вице-короля маркиза Рипона), лордов Гентингфильд, Дакра, Лейстера и Гартингтона – предается своей страсти к охоте, являясь настоящим английским помещиком. Она же жила и мучилась много лет в одиночестве и изгнании в глухом уголке Кенсингтона, где безвыходно в своей комнате со своею старою преданною ей служанкой, последовавшей за нею из Индии, провела весь остаток дней своих до дня конечного освобождения смерти.

Эта слабая, крошечная женщина, только двенадцатью годами старше своего сына, взлелеянная в роскоши, страстно любимая столько насолившим Англии старым Львом Пенджабским, по смерти своего магараджи явилась героиней, смелость которой затмила все подвиги сикхов. Одна, окруженная изменой, ради сына она решилась на все. Взбунтовав против замыслов Ост-Индской Компании огромную партию в Пенджабе, она стала во главе своей армии и, как говорят, сражалась не хуже храбрейшего из своих сикхов. Суеверные пенджабцы до сих пор твердо уверены в том, что в этом тщедушном теле сражался сам махараджа-сааб. Взятая в плен англичанами, она была отправлена в форт Чунар, грозную крепость в 40 милях от Бенареса. Но не прошло и года, как

²⁸ Дулин-Синг жил прежде в Шотландии.

она оттуда бежала. Одна, безо всякой помощи она достигла Непала, Бельгии, Индии, где явилась неприкосновенною для своих врагов. Но пока рани Чинда томилась в крепости, ее сын Дулин-Синг уже успел обратиться в христианство и был отправлен с семейством в Шотландию. Мать не знала о его измене вере отцов и родине и сильно тосковала о сыне. Воспользовавшись ее материнской любовью, агенты Компании, уверив ее, что она увидит любимого сына, если только отправится в некий городок на границе Непала, заманили бедную женщину в приготовленную ими западню и, схватив, отправили ее в Англию. Там она впервые узнала об обращении (в ее понятии страшном совращении) магараджи Дулин-Синга в христианство, «в веру палачей ее народа и родины», – говорила она. Она чуть не умерла с горя. Не раз впоследствии преданная мать выражала свою глубокую тоску изъяснением горького раскаяния в том, что не предала тела своего самосожжению на костре мужа. «Я пренебрегла священным обычаем, – говорила она, – отказалась от блаженства сделаться *самти*,²⁹ и вот боги наказали меня за это». Она умерла в Кенсингтоне (Лондон), отказываясь до последней минуты не только жить или есть с сыном, но даже дотронуться до него или внуков...

Чрезвычайно любопытен фасад стены крепости Акбара. Она тянется на протяжении почти 500 шагов от востока

²⁹ Сжигающим себя вдовам дают название *самти*, а действие самосожжения называется *сутти*.

к западу и сплошь покрыта мозаичными украшениями и рисунками из какого-то необычайно ярких красок изразца или эмали. Рисунки представляют воинов, лошадей, слонов, символические картины всех знаков зодиака и даже ангелов, охраняющих, согласно персидской мифологии, каждый месяц и день года: доказательство довольно веское, что это работа не мусульман, считающих представление человеческих фигур за величайший грех, а выходцев из Персии еще до времен Магомета.

В Анаркуле, здании против центрального музея, мы познакомились со знаменитою в истории сикхов пушкой по имени *Земзамах*. Вылитая в Индии в 1716 году, эта громадина была отбита у Ахмед-шаха до его бегства в Кабул. В 1802 году она попала в руки Рунджит-Синга; но до того времени находилась в плену у могущественных амритсарских *бханги* (нечто вроде феодальных баронов), которые и прозвали пушку *Бхангиан-вали-топ*, то есть шапкой (или горой) Бхангиев, взирая на нее как на талисман сикхской империи, вследствие того, что каждый раз как магометане вывозили эту пушку против сикхов, последние непременно побивали своих наследственных врагов.

Но интереснее всех других древностей явились перед нами сохранившиеся живые образчики старины: принцы и раджи Индии. Кто побывал при дворах этих маленьких владельцев, которым позволено играть в царствование на веревочке у их политических резидентов, и кто познакомился с их

обычаями и нравами, тот видел Индию, какую она вероятно была и 3000 лет тому назад. В этой, как бы застывшей на месте стране, где какие ни есть нововведения скорее привиты мусульманским, нежели европейским элементом, все своеобразно и чудно. Особенно здесь в Пенджабе, в пригималайских маленьких владениях, еще никто и ничто не успело англоизироваться.

Съехавшимся на поклон новой верховной власти потентатам был отведен для их лагерей огромный пустырь за городом, целый оазис. Там каждый из великих, как и малых раджей и науабов имел свой отдельный лагерь на все время дурбара, где каждый из них и держал с собственными визирями, диванами, кучей телохранителей, придворных чиновников, астрологов, магов, конницы, слонов и целым роем паразитов. В иных случаях, впрочем, туземные телохранители были удаляемы на время и заменяемы почетным караулом из европейцев.

Лагери разбиты с математическою правильностью. Каждый отделен от соседнего высокою стеною из вышитой, разукрашенной парусины, иногда из дорогих ковров и имеет свои улицы, особый вход и ворота с часовыми. Царская палатка всегда в глубине двора, прямо против главного триумфального входа, монумента вышитых материй и китайских цветных фонарей, а перед фасадом каждой дурбарной³⁰ палат-

³⁰ Кроме главного вице-королевского дурбара, главные раджи имеют привилегию держать свои дурбары в лагерях.

ки, лужайка, часто с временно устроенными на ней фонтанами, рядами фонарных столбов и, о боги браминов! рядами газовых рожков! Налево лагери раджей первого ранга: Кашмира, Путтиалы, Бахавальтура, Набба, Джинда, Алувалии, Мандии, Маллер-Котли и других магараджей. Направо – огороженные лагери раджей второго разряда: Кальзеа, Даджана, Фаридкота и др. Все это владельцы, территории которых входят в район Пенджаба и Кашмира. Ни принцы Раджпутские, ни раджи из южной и центральной Индии не присутствуют на дурбаре северных провинций. Нескольким афганским вождям и мусульманским принцам было учтиво отказано в позволении явиться для представления вице-королю на этом дурбаре...

За лагерями нескончаемые ряды конюшен под открытым небом. Целые табуны лошадей, слонов, верблюдов теснятся между раскинутыми на огромном пространстве шатрами солдат и прислуги. Все это лишь издали напоминает европейский лагерь. Приблизьтесь, и вы будете поражены невиданными странными формами, яркими цветами и позолотой, богатыми восточными костюмами свиты и телохранителей, развевающимися коврами, флагами и значками, фантастически разукрашенными лошадьми и слонами, читтами³¹ в вышитых бархатных пополах и шапках с намордниками, соколов в капюшонах на золотых цепях, всевозможной по-

³¹ *Читта* – род леопарда, дрессированного для охоты за кабанами и дикими козами. Их держат, как собак, для охоты.

роды охотничьих горских собак с ошейниками, утыканными полуаршинными страшными иглами и теми тысяча и одной затеями, которыми раджи и деспоты Индии окружают себя теперь, как они то делали и во времена Александра Македонского...

Вот лагерь его светлости магараджи Ранбир-Синга Бахадура, великого командора достопочтенного ордена звезды Индии, компаньона Индийской империи, советника императрицы Индии, почетного генерала императорской армии, главы Джамму и все-таки подозреваемого и находящегося под надзором всех англо-индийских полициантов повелителя кашмирского!.. Он привез с собою 35 сирдарей и столько войска, сколько ему позволили. Двор лагеря полон воинов. Одни в блестящих кирасах, в *кот-де-маль* и железных латах, в шлемах с высоким развевающимся плюмажем и пунцовых бархатных штанах; другие, инфантерия, в малиновых тюниках, голубых с серебром узких брюках, в белых ботинках и медных шапочках со спицом, на конце которого восседает четверорукий божок. Лагерь разделен вдоль центра широкой улицей с фонарными столбами по бокам, за которыми тянутся длинные ряды палаток: красных, голубых, зеленых, всех цветов радуги и с полубатареей артиллерии по обеим сторонам. В глубине улицы большой сквер, окруженный *ханатами* из ярко-красного сукна, нижние стены которого украшены полосами золотисто-желтой материи, вышитой черными узорами кашмирского фасона. В этот сквер мы входим через

род портика, громадную *шамсану* из того материала, и перед нами в центре сквера возвышается дурбарная палатка самого магараджи, великолепный образчик передвижного дворца. Вся палатка ярко-малинового бархата с полосами, вышитыми золотом, и представляет вид двухэтажной китайской пагоды с загнутой по краям крышей. Стены подбиты шоколадного цвета сукном, сплошь вышитого, словно кашмировая шаль узорами. Колонны, поддерживающие внутри палатку, серебряные и увешаны канделябрами и дорогими лампами; а на стенах – зеркала в рамах в персидском вкусе. Под входным навесом – род передней залы, земля мягко устлана дорогими коврами, среди которых красуется толстейший бархатный ковер, ярко-пунцовый и весь затканый девизами из черного шелка и золота. А внутри – средняя огромная комната, застланная драгоценнейшими белыми коврами, по которым разбросаны груды подушек, подобные которым не красовались и на Парижской выставке. В глубине комнаты, на тронном месте и под балдахином, стоят два круглые кресла с драгоценнейшею и, быть может, уже слишком изобильною инкрустацией из чистого золота самых фантастических узоров, которыми так славится «счастливая долина Кашмира». Подушки сидений – из золотистой кожи, до такой степени густо зашиты золотом, что ее почти и не видно из-за вышивания. Две такие же скамейки перед креслами-тронами, а по обеим сторонам расставлены кресла из чистого серебра и с золочеными украшениями. За этими второй ряд,

просто серебряных, но все с такими же великолепно вышитыми сиденьями; а за этими креслами следуют ряды стульев, покрытых великолепным вышиванием *никош*, которым так славится Кашмир. На этих тронах во время частного дурбара будут заседать сам магараджа и с ним рядом – вице-король. Кресла в первых рядах золоченые – будут украшены разными английскими сановниками, а за ними на просто серебряных скромно сядут, поджав ноги, подвластные им раджи и владетельные сирдари, тогда как на стульях поместится разная мелюзга.

Возле лагеря владыки Кашмирского расположен лагерь семилетнего магараджи Путтиальского. Упоминаю ради назидания русской публики вереницу имен и титулов, которыми украшен сей юный принц: «Его светлость магараджа Ражиндар-Синг, Мохиндар-Бахадур, Фарзанд-и-Хас, Даулат-и-Ин-гли-шия, Мансур-и-Заман, Эмиль-уль-Умра, магараджа Джирадж, Раджашар, Раджган, владыка Путтиалы». Невзирая на свой юный возраст, маленький потентат отличается замечательным великодушием. Он только что пожертвовал, и «так прямо от себя», уверяют нас газеты, – и без малейшего на то намека со стороны своего резидента 50 000 рупий на «патриотический фонд». Этот фонд предназначен для вспоможения раненым в последнем походе на Афганистан. И хотя с каждого фунта стерлингов не придется и шиллинга на долю туземного английского войска в Индии, однако же с подпиской обращаются преимущественно к ту-

земцам, быть может потому, что англичане ничего не дают, предпочитая получать, а не отдавать заработанные в Индии капиталы.

Лагерь этого щедрого *bebe* чрезвычайно красив и оригинален и, вместо двора к его палатке ведет прелестный, у кого-то занятый сад. Его палатки – пунцовые с черными и белыми полосами, а дурбарная палатка в виде огромного двойного купола. За принцем следуют пятьдесят слонов и батарея артиллерии, пушки которой все, кроме одной, забиты. Далее тянутся лагеря магараджей Наббы и Джинда...

Между двумя последними существует соперничество еще с первых дурбаров вице-королей Индии, соперничество, которое и разыгралось в нынешнем году самым неожиданным образом. Оно состоит в том, кто из них перещеголяет другого в роскоши и оригинальности царских затей. До сей поры пальма первенства постоянно доставалась магарадже Наббы. Но в этот год его светлость был неприятно поражен подставленной ему соперником ножкой. Раджа Джиндский появился среди лахорского народонаселения, и толпы разинули рты, да так и остались до конца дурбара... Секретно заказанный им фаэтон оказался весь из чистейшего серебра! Необычайно оригинального и элегантного рисунка, этот экипаж поразил всех своими огромными размерами. Девять чистокровных лошадей, залитых в серебряные сбруи, тащили его тремя тройками по старой форейторской моде с *постильоном* на спине каждого коренника. Позади восседали в се-

ребрянном же заднем сидении два фантастических егеря, а сзади, на серебряных же запятках качались босые и голоногие *чупрасси*, в голубых бархатных кафтанах с золотым шитьем и длинными серебряными *махалками*, на концах которых развевались белые хвосты яка, которыми туземные слуги отгоняют от *саабов* мух и комаров.

Сам же магараджа, самодовольно улыбаясь и развываясь на голубых вышитых золотыми листьями подушках, с торжеством поглядывал по сторонам. Эффект вышел поразительный!.. Дамы верхом останавливались на Малле³² и ахали. Тюльбюри англичан поневоле давали дорогу странному и огромному экипажу, который остановился, наконец, у музыки, как бы приглашая полюбоваться собой поближе... Все винты, гвозди, рессоры, все металлические части этого фаэтона покрыты снаружи толстыми пластами золота, даже оси и наружная обшивка колес, тогда как самые спицы из чистого серебра! Так как у раджи Джиндского нет ни войска, ни батарей, ни крепостей, а только несметная куча денег при одной пушке, которая к тому же имеет странную привычку убивать лишь тех, кто из нее стреляет, то англичане очень любят старого Джинда.

Увидев экипаж и произведенный им эффект, магараджа Наббы чуть не умер от удара. Огромные грозди из цельных изумрудов, ниспадающие с его белого атласного тюрбана, тряслись над его носом в продолжение целого часа от волне-

³² Малл Bois de Boulogne Лахора.

ния, тряслась и его седая борода... Вернувшись домой, он тотчас же приказал послать телеграмму в Лондон, спрашиваясь, сколько ему будет стоить коляска из чистого золота с серебряными гвоздями и рессорами. Полученный им ответ поверг его в безутешное горе. Ему бы пришлось продать свою столицу для удовлетворения мстительной фантазии!

Прочие лагеря – все, более или менее, копии с двух вышеописанных. Некоторые раджи почему-то сочли нужным приготовить у себя во дворах разные замысловатые машины для гимнастики и *поло*, в честь могущих их посетить английских *саабов*, быть может, в тайной надежде, что, авось, Бог милостив, и *саабы* свернут себе на них шею.³³

Мы промешкали в Парусиновом городе до самого вечера, разглядываемые туземцами с таким же, если не с большим любопытством, как разглядывали мы их сами. Наконец, какофония разнохарактерных «зорей», одновременно предпринятая туземными трубачами, заставила нас поспешить к экипажам. Мигом окутали индийские сумерки словно прозрачным покровом и лагерь, и крепость, и окружающую их огромную поляну. И не успели мы еще усесться, как уже замелькали перед нами сотни костров, заблистали золо-

³³ Англичане – ужасные охотники в Индии до всевозможных гимнастических упражнений и игр, где требуется ловкость и смелость. *Поло* – игра в деревянный мяч на лошадях, род скачки с препятствиями с разным числом наездников на каждой стороне. Она ими перенята у кашмирцев: ежегодно от восьми до двенадцати человек англичан бывают убиты в этой опасной игре, сброшенные или задавленные часто падающими лошадьми.

тисто-красные огоньки и стала раздаваться у входа каждого лагеря тяжелая поступь британских патрулей, обходящих и охраняющих каждую ночь туземных часовых в «Лагере независимых магараджей».

Глава 5

Британский Нимрод и «полосатые». – Что творится на дурбарах. – В ожидании приезда маркиза. – Слоны и их раджи. – Принцы и их политические дядьки. – Торжественный приезд вице-короля. – Адрес муниципалитета. – Вид процессии со старой башни. – Странное поведение магараджи Кашмирского. – Трехъярусная процессия слонов. – Что думает о дурбарах туземная печать.

Вице-король охотился за тиграми в «джонглях» Кадир-Дуна возле Мазры и вдоль нагорных владений (Hill States³⁴) тридцати семи царьков Гималайского ската и вследствие этого на целый день опоздал своим приездом в Лахор.

Маркиз Рипон считается после своего сына, лорда Грея, лучшим стрелком в Англии. Страстный охотник, он спешил по уверению газет отличиться до приезда своего наследника в Индию и оставить по себе ужасную память «полосатым». В первый день охоты он собственноручно убил двух тигров наповал и изувечил третьего, которого тотчас же слон доконал хоботом...

Церемония представления происходит в дурбарной палатке, в глубине сцены, на троне, затянутый в шитый золо-

³⁴ Рассыпанные по всему скату Гималайских передовых холмов по эту сторону Индии владения независимых раджей и подвластных им сердарей, под протекторатом Англии, зовутся Hill States – «холмовые штаты».

том синий мундир и с треуголкой на левом колене, сидит неподвижно вице-король и ждет... Вот ведет под руку «независимого» приставленный к нему политический резидент, и оба останавливаются на верхней ступени у входа в палатку. Оттуда раджа отвешивает поклон, приложив обе ладони ко лбу. Затем его подводят поближе к священной персоне, репрезентирующей Великобританию и раджа снова сгибается перед неподвижной фигурой, которая после этого надевает треуголку. Лишь тогда только, когда представляемый униженно подносит на платке *нессер*,³⁵ состоящий из пригоршни золотых *мохуров*,³⁶ вице-король обязан подать признак жизни. Отдав радже легкий поклон, он дотрагивается кончиками пальцев до предлагаемого злата, и, мгновенно отдернув ее от *нессера*, изображает на лице своем как бы отвращение и гадливость к презренному металлу... Говорят, игра лорда Литтона в этом отношении была великолепно!

Эта часть церемониала с мимикой введена в начале настоящего столетия ввиду практического преподавания нравственности «продажным азиатам». Нессер, та же взятка властью имеющим, перешла в Индию из Персии с мусульманами и как обычай существует, конечно, с незапамятных времен. Чтобы не уничтожить с одной стороны обычая, но лишить его оскорбительного или, точнее, уличительного характера, придумали эту аллегория – пантомиму. Она из-

³⁵ *Нессер* – приношение властям, знак покорности.

³⁶ *Мохур* – золотая монета стоимостью в 32 шиллинга.

вестна под именем touched and remitted: «дотронуться и отдать». Для благородного маркиза, обладающего 80 000 фунтов стерлингов годового дохода, не считая громадного содержания в 300 000 рупий в год с прибавочными на разъезды, полагаем небольшое искушение представил нессер из блестящих мохуров!..

Наконец, с усилием оторвавшись от дурбаров, нессеров, дрожавших перед ним раджей, а главное, от излюбленных им тигров, маркиз Рипон направил свои стопы в Лахор. С утра 10 ноября все в городе и за городом пришло в волнение. С рассвета уже полисмены и экстренные почталыоны на верблюдах развозили приезжим постановления полиции на этот высокаторжественный день. Ввиду огромного числа слонов, назначенного для вице-королевской процессии, частным экипажам дозволялось проезжать лишь по глухим переулкам. Тот, кто желал присутствовать на дебаркадере железной дороги по прибытии его вице-величества и представлении ему магараджей, обязан был явиться с билетом ровно в 2 часа пополудни, хотя вице-королевский поезд ожидали только в пять. Приняв это распоряжение сперва с ворчанием, мы впоследствии почувствовали большую благодарность властям: трех часов оказалось еле достаточным для того, чтобы хорошо разглядеть эту необычайно фантастическую картину!..

Подъехав ровно в 2 часа к барьеру дороги, ведущей к обширному двору вокзала, построенного за городом, мы на-

шли уже всю огромную площадь и пустыри за нею битком набитые народом. Кавалерийские полки, исключительно из европейцев, обрамляли с артиллерией весь горизонт в виде подковы, перед ними стояла построенная в шеренгу пехота, а перед этой человеческой стеной красовались жиденькие батальоны солдат из войск независимых раджей. В этом замкнутом в полверсты в диаметре пространстве теснились бесконечные вереницы слонов с башнями, паланкины и верховые лошади магараджей; затем целое волнуемое море различных разукрашенных народностей.

Оставив экипаж за барьером, нам пришлось пробираться между слонами шаг за шагом и с некоторою опасностью для наших туалетов, а что вышло еще опаснее, между ног лошадей и верблюдов. Слон – существо велемудрое и весьма осторожное. Он ни за что не наступит на живое существо, хотя бы то была букашка, если только он заметит ее вовремя; подняв свою мясистую морщинистую ногу, он глубокомысленно уткнет хобот в землю и станет спокойно ожидать, пока она выползет из-под ноги, а уже затем только, фыркнув, установит свое прерванное равновесие. А верблюд – существо и глупое и грязное. Так и в этом случае: в то время, как слоны, пыхтя, тяжело сторонились от нас, богопротивные верблюды оплевали нашу компанию... Туземные мистики пребывают в полной уверенности, что в слонах обитают души браминов, считающие тяжким грехом лишить жизни даже клопа; а в верблюдов переселяются лишь одни низкие

души магометан...

Не легко было пробраться среди этой толпы. К счастью, в нашей компании находились мистрис У. – жена гусарского капитана, полк которого участвовал в церемониале, да один из влиятельнейших железнодорожников рая туземцев.

Добравшись с величайшими усилиями до главного подъезда, наш железнодорожник сунул нас предварительно в камеру кассира, а сам пошел на верхнюю платформу приготовить нам места на переброшенном над поездами мосту. Оттуда публика, не смешиваясь с туземными принцами и не мешая распорядителям и властям, могла видеть, вися на три аршина над платформой, все, что на ней происходит. Пока же, сидя у окошечка, выходящего на крыльцо подъезда, мы имели довольно времени налюбоваться на беспрестанно подъезжавших раджей и, конечно, не теряли времени глазеть на диковинное зрелище...

Пред нами огромный двор, наполненный разряженными «царскими» слонами. В длинных до земли пополах из золотой парчи, вышитой жемчугом и драгоценными камнями, с золотыми, украшенными изумрудами, кольцами в огромных хлопающих ушах и на конце хобота, с пучками великолепнейших магнолий и страусовых перьев на голове и у корня хвоста, эти дюжие животные представляли для нас, невинных западников, самое оригинальное, диковинное в мире зрелище... За одну слонихой необычайного роста бежал ее слоненок, несущий на спине длинную лестницу из чи-

стого серебра, по которой его хозяин раджа, готовясь садиться в башню, влезал на его гигантскую родительницу. Слонов во дворе было так много, что не было возможности разглядеть даже половину. Некоторые из *хайд* были закрыты от солнца красными бархатными занавесками с богатою золотой вышивкой, тогда как сами слоны буквально исчезали под чепраками из такого же бархата, с золотыми вышитыми на нем цветами; каждая из попон стоила в Индии, где ручная работа почти ничего не стоит, от 5 000 до 10 000 рупий! У многих слонов их умные, важные лица были разрисованы геометрическими фигурами, линиями и звездами, перемешанными с астрологическими знаками, от дурного глаза. Почти у всех на толстых ногах красовались дорогие браслеты из золота, серебра и драгоценных камней, а на конце клыков были надеты золотые шарики, величиною с яблоко, у других весь лоб до глаз и крестец были покрыты золотой сеткой с камнями. На слоне магараджи Кашмирского было навешено на 250 000 рупий одних драгоценностей! Его кольцо из чистого золота, ниспадающее на всю грудь слона бесчисленными монетами, и в несколько аршин в окружности, охватывало его толстую шею кольцами величиною в московский бублик; а *его махут* (возница), сидящий между ушей животного, словно человеческая бородавка, колотил его голову острою булавой из чистого золота, украшенною бирюзой и крупным жемчугом. На каждом слоне была или башня или же открытое сидение в виде двухместного задка фазто-

на. Хауда на вице-королевском слоне, самом огромном из всех слонов на дурбаре, была из чистого серебра с золотыми украшениями и стоила казне 25 000 рупий...

Касательно невежливых «кораблей пустыни», их было гораздо меньше, нежели слонов, но и эти горбатые существа были не менее разряжены. У одного оба горба были покрыты парчой, вышитою шелками и жемчугом; на уродливой морде сияла узда с золотою насечкой, а на макушке красовалась золотая коронка. У магараджи Путтиалы был целый артиллерийский верблюжий полк. Как животные, так и их ездоки, одеты в красные с желтым мундиры и чепраки. Говорят, что этот полк из самых полезных и бравых. Каждый артиллерист имеет пред собою длинную винтовку, приделанную к передней шишке седла на вертлюге и крутящуюся по всем направлениям. По словам очевидца, бомбардир, сидя верхом между двумя горбами, заряжает и стреляет из этой винтовки с удивительной быстротой и великим риском прострелить голову своему верблюду.

«Эти послушные животные, – описывает офицер, выдавший их в деле, – движутся учащенной рысью, один за другим, далеко вытянув вперед шею, словно гонимое мальчишеским стадо глупых гусей. Но при первом тихо произнесенном их седоком слове верблюд останавливается как вкопанный, и, услышав в двух вершках от головы свист пули и выстрел, он снова пускается во всю прыть, делая по пятнадцати миль в час».

Не менее своих слонов и верблюдов были разодеты магараджи и науабы, которым я никак не могу простить их привычки протыкать насквозь, как бусы, самые дорогие изумруды и оправлять рубины почти неопределимой стоимости в серебро! К покрытому красным сукном крыльцу ежеминутно подъезжали раззолоченные виктории, коляски, фаэтоны и кареты, которые показались бы верхом безвкусыя в Лондоне или Париже, но в Индии превосходно гармонируют с остальным. В каждом экипаже сидело по два человека: раджа – ошую и английский офицер в мундире – одесную. Вот худенькая, бледно-зеленоватая фигурка науаба Бахавулытурского, в *pinse-pez*, фиолетовом бархатном кафтане, шелковых чулках и башмаках танцовщицы. Науаб принадлежит к партии «реформаторов», то есть дует вино и водку и, не желая являться босиком, обувается в женские розовые чулки и башмаки.³⁷ Его ведет под руку приставленный к нему «политический офицер». За ними новая пара: громадный раджа Капарталлы с насурьмленными бровями и вымазанными *gè-zellem*³⁸ ресницами тащит как на буксире крошечного полковника В... За ними раджа Мандии со знаком Вишну на лбу, с ножными браслетами до колен и сияющею на солнце алмазною диадемой на тюрбане угрюмо шествует возле сво-

³⁷ Туземцы обязаны, являясь к англичанам, быть или босыми, оставляя туфли у порога, или же надевать чулки и обувь.

³⁸ Сурьма – антимоний. В Индии многие, большая часть мужчин, красят себе глаза антимонием, чрезвычайно, говорят, предохраняющим зрение.

его надзирателя. Вот подкатили один за другим раджи Чамбы и Сукета: сирдар Кальзии и науабы Малер-Котли, Логару и Дуджаны, блистающие всеми цветами радуги и похожие на ходячие ювелирные выставки. Все эти изнеженные царьки распространяют вокруг себя одуряющий запах мускуса, розового масла и амбры... Издали легко принять их пестрые, восходящие по лестнице попарно с британскими офицерами фигуры за дам в маскараде, совершающих с кавалерами торжественный полонез...

Оставив кассирскую конурку и взойдя на платформу, мы очутились словно в ложе над сценой. Представшая перед нами картина оказалась еще оживленнее и интереснее... Прямо под ногами у нас магараджа Кашмирский, приехавший с восемнадцатью подвластными ему сирдарами: одна сплошная масса драгоценностей!.. Жемчужный с бриллиантами полуаршинный панаш на его тюрбане почти касался перил моста, где нас поместили, а белая атласная одежда сияла алмазами. Рядом с ним стоял, косясь на него, престарелый магараджа Наббы, в излюбленных им изумрудных гроздьях, обрамлявших его лицо, словно зеленый веночек водяного лешего, он стоял, гордо опираясь на дорогую саблю, увы, едва ли не осужденную навеки пребывать в заржавленных ножнах!

Приехав, конечно, в своей серебряной коляске, «старый Джиид», сожалея, быть может, что не мог в ней въехать на платформу и тем снова растравить рану в сердце соперника, удовольствовался на сей раз тем, что нацепил на себя в де-

сять раз более изумрудов, нежели болталось на голове повелителя Наббы. Далее, между ног какого-то сановника в мундире и треугольной шляпе копошилось крошечное существо в футляре из парчи, покрытой бриллиантами... Многие из второразрядных раджей подходили к этой сияющей крошке и униженно кланялись, становясь для этого почти на колени, а британские сановники, проходя мимо, покровительственно *хауду-ю-ду-кнув*, кивали маленькой драгоценной массе головой и протягивали ей два пальца для shake hands. То был магараджа Путтиалы, семилетний ребенок, которому никто не дал бы более пяти, хоть его светлость уже года три как женат.

Но все-таки и это не разъясняет мне, почему у маленького магараджи путтиальского уже есть заранее приготовленный «предполагаемый наследник»?

Но у всех *дурбарных* магараджей, сердарей и науабов такие постные лица! Невзирая на весь внешний блеск, роскошь обстановки и торжественность встречи, эта многочисленная компания туземцев, имена которых внесены в «Золотую книгу»,³⁹ напоминала собою гораздо более вынос тела на богатых похоронах, нежели собрание величайшей знати Индии, съехавшейся для радостного приветия новому вице-королю. Приехавшие за два часа до поезда, одни, без обычной свиты и прислужников (которых из боязни толкотни, веро-

³⁹ Все знатнейшие имена магараджей, раджей и браминов внесены в «Золотую книгу».

ятно, не пустили на узкую платформу), все эти принцы ходили и стояли, словно приговоренные тени из Дантова Ада. Им даже нельзя было присесть отдохнуть, так как не было там ни одного стула, а сесть по обычаю на кончик позвонка им, верно, не позволяли. Сумрачные лица суровых сикхов; как-то боязливо разбегаются по сторонам хитрые, полные затаенного лукавства и ненависти глаза мусульманских принцев; хмурятся разрисованные сектантскими знаками лбы владельцев индусов, а паче всех – чело магараджи «счастливой кашмирской долины». Даже толпы затянутых в мундиры англичан смотрят вдвое напыщеннее и с гордо поднятыми головами прохаживаются мерными шагами по платформе в ожидании поезда. Все молчат, один лишь еле слышимый шепот доносится по временам из группы английских городских властей, стоящих отдельно от прочих и не обращающих ни малейшего внимания на представителей династий, из коих многие ведут свой род далеко за Ксеркса. Никогда не приходилось мне видеть в двух шагах от себя такую толпу, человек до трехсот и в то же время присутствовать при таком молчании: словно они все превратились в глухонемых. Одинокая как перст фигурка, маленькая, сгорбленная, худая, в стареньком поношенном сюртуке, в белой подвязке вместо галстука и когда-то черном, а ныне порыжевшем и изломанном цилиндре семеня тонкими ножками по платформе, перебегая от одной группы к другой и заговаривая со всеми магараджами. Невзрачная фигурка оказалась ни более, ни ме-

нее как его высокопреосвященство, епископ Лахорский. Не успев в продолжение своей многолетней карьеры обратиться в христианство ни единого индуса, он, говорят, поклялся выстроить на деньги одних магараджей-язычников кафедральный собор в Лахоре. До сих пор, хоть этому обету уже минуло несколько лет, к будущему собору выстроен один только фундамент да две стены; но зато его высокопреосвященство успел только надоесть злополучным раджам.

Чу!.. Свисток, один, другой... третий, затем трезвон на платформе, и все на минуту замирает... Британское начальство вытягивается; раджи и науабы превращаются в соляные столбы. С шипением и свистом все близится поезд, задерживает ход и, наконец, останавливается. Пред вице-королевским вагоном становятся во фронт лахорский генерал-губернатор и главнокомандующий войсками генерал Гейнс и первые приветствуют выходящего маркиза Рипона. Мы ожидаем взрыва приветствий *ура!*.. Нам отвечает одно пыхтение успокаивающегося локомотива, сдержанный говор, да глухой гул тихо обмениваемых фраз... Сгибаются спины, вздымаются шитые золотом фалды вице-мундиров, мелькают обтянутые в белые перчатки руки во время взаимных рукопожатий, и более ничего!.. Вице-короля трудно отличить от других. Довольно полный, низенький человек лет пятидесяти, с большою, длинною бородой с проседью; лицо добродушное и красное, но, выражаясь паспортным языком, «особых примет не имеется». Однако, присмотревшись, вы ви-

дите пред собою настоящего джентльмена, с мягкими, спокойными и полными достоинствами манерами... Впрочем, в Симле, в своем простом сером пиджаке, он нам нравился еще более, нежели в Лахоре, в регалиях, треуголке и с грудью, покрытую орденами и алмазными звездами...

Не успел благородный лорджать и полдюжины рук, как пред ним предстал президент Лахорского муниципального комитета с адресом. Адрес был напечатан золотыми буквами по белому атласу и покоился в прелестном серебряном футляре, работы артистов в Люкнау.⁴⁰ Приведу лишь один параграф из этого спича, прочитанного твердым и официально растроганным голосом:

«Не находим достаточно слов поздравить себя с тем, что с первого же года наместничества вашей милости выпало на нашу счастливую долю принимать ваше превосходительство в столице Пенджаба, под столь радостным для нас предзнаменованием. Мы говорим о миссии вашей первому приветствовать и сделать смотр тем храбрым воинам, которые так благодарно и геройски защищали честь своей императрицы и отечества в последней афганистанской кампании. Дозвольте же нам, благородный лорд, принести вашему высокопревосходительству наши сердечные поздравления в необычайно блестящем успехе, который так постоянно сопровождал ваши доблестные британские войска на поле брани в Кабуле,

⁴⁰ Люкнау и Дели славятся своими золотыми и серебряными изделиями.

Шерпуре и других местах, и в том также, что довелось нам мирным путем водрузить эмира Абдуррахмана на престоле афганистанском под высоким британским покровительством»...

Подписано семью европейцами, 12 сикхами, пандитами и разными *бахадурами* и девятью магометанскими ханами, шейхами и науабами, членами муниципалитета города Лахора.

Цветистое красноречие этих пожеланий и выражений восторга было принято в глубоком и благоговейном молчании... Два или три героя столь блестящей афганской кампании крикнули, но ничего не сказали...

Пожав руки всем представляемым ему англичанам, вице-король стал пожимать длани и подводимых к нему, разыгравших до того роль шпалер магараджей. В это самое время ему стали отдавать королевский салют: сперва стоящая на платформе европейская почетная гвардия, за ней железнодорожная артиллерийская батарея.⁴¹ Одним из первых был представлен маленький Путтиалла, которому вице-король ласково пожал только что вынутую из рта руку и погладил его по усеянному алмазами тюрбанчику. Затем рука маркиза протягивалась еще несколько раз к темным рукам различных туземных светлостей.

Чтобы лучше видеть торжественную процессию на слонах

⁴¹ Здание железной дорога в Лахоре, как и во многих других городах Индии, вместе с тем и *вооруженная крепость*.

и верблюдах, напомнившую мне сцену из «Сандрильйоны», где поется:

«Un cortége magnitique
Composé d'beaucoup d'chameaux»

мы оставили наш мост и отправились на старую высокую башню у ворот вокзала. Оттуда дорога, усеянная триумфальными арками, украшенная по обеим сторонам значками и флагами и обрамленная 10 000 войском, расстилалась перед нами до самого города как на ладони.

Процессия состояла из пятидесяти девяти слонов. Во главе, на самом огромном из них ехал вице-король. За ним, по два в ряд шли слоны немного поменьше ростом первого, удостоившиеся нести драгоценные ноши: генерал-губернатора и главнокомандующего, престарелого генерала Рейнса, свиту и лахорских высших властей. Совсем в арьергарде, уже *по три в ряд и обязательно* меньше ростом двух первых рядов слонов, выступали слоны с магараджами и науабами...

Дойдя до этой страницы моего правдивого повествования, заранее приношу извинения тем из англо-индийских властей, которым случится прочесть эти строки.⁴² Но ис-

⁴² А что многие из них читают, конечно в переводе, мои письма в «Моск. Ведом.», то не подлежит сомнению и даже весьма льстит моему самолюбию. «Bombay Gazette» недавно цитировала целые фразы, немного перековерканные, из «Пещер и дебрей Индостана». Как эта газета, так и преследующий меня за мою национальность «Times of India», сделали мне честь донести на меня публике;

тина заставляет меня сознаться в следующем, быть может, не совсем лестном для них факте: насколько истый индеец в своем живописном костюме красиво и роскошно выглядит в хауде на слоне, настолько британец в мундире и треугольной шляпе смешон на нем... Издали – ни дать, ни взять, облаченные в красные генеральские мундиры и треуголки с плюмажем мартышки на больших, покрытых попоною пуделях!.. Не доставало для полного сходства одной шарманки, но она вполне заменялась тремя военными оркестрами, которые гремели с замечательным единодушием: «Rule Britania» и «God Save the Queen», каждый в собственном тоне...

Вдруг пронеслась с быстротою молнии странная весть: магараджа Кашмирский отказался участвовать в вице-королевской процессии. «Он уехал домой, в лагерь!»... Скандал и общее смятение. Одни говорили, что он притворился больным, другие – что он обиделся, потому что как генерала английской армии его место было с европейскими генералами, возле главнокомандующего, а не позади, со второстепенными раджами; еще другие – что он попал под опалу, и вице-король даже не подал ему руки на вокзале и т. д. Но отчего и почему, – мы ничего не узнали, а газеты об этом даже не заикнулись. Очень скромный народ, здешние репортеры, и

«Под псевдонимом Радды-Бай, начиная от № 305, 30 ноября 1879 г., „Моск. Ведом.“, я, де, пишу об Индии в самом *англо-фобском* (Anti English) органе России, в Московской Газете!» (См. «Bombay Gazette», ноября, 6.1880).

действуют с большим единодушием с правителями Индии...

Процессия двинулась однако и без своенравного магараджи.

– Вообразите, – повествовал прибежавший в башню некий юный чиновник, – магараджа настаивал, чтобы ему привели его слона к главному подъезду, где в то время устраивалась процессия, и вице-король влезал уже по лестнице на своего мамонта!.. Удивительное невежество и бестактность...

– И что же? Пустили его?

– Конечно не пустили: или ступай на предназначенное тебе место в процессии, или исчезай с заднего крыльца!..

– Да ведь он этим еще более оскорбится...

– Непременно!.. Следовало бы его еще более проучить...

Наше правительство слишком нежничает с этими черномазыми!..

– Ну уж, будто бы, – сорвалось у меня с языка. – Так вы бы их лучше уж всех разом повесили, без дальних хлопот, – добавила я, постоянно забывая о своем щекотливом положении в Индии.

Юноша покосился на меня, а я прикусила язычок. К счастью, мистрис У. совершила счастливую для меня диверсию, спросив его, что же, наконец, стало с магараджей...

– Ничего особенного... Он сел на верховую лошадь и ускакал со своими сердарями домой, в лагерь... оставив слона в процессии...

– Да как же это? Разве слон так и отправится один и без седока?

– О нет! Им воспользовался кто-то... кажется, наш старый епископ...

Наконец процессия устроилась. Последний слон вывалил из ворот, и потянулась длинная, сияющая в догорающих лучах заходящего солнца золотом, пурпуром и дорогими камнями, вереница порабощенных лесных гигантов... Впереди вице-король, за ним европейцы, а в хвосте порабощенные не менее своих слонов раджи и когда-то великие мира сего представители угасающих династий Востока. Всех слонов было, как выше показано, сверх пятидесяти, и возле этих машин самые рослые лошади кавалеристов и гарцующих сердарей казались издали и с высоты нашей башни собачками. Но вот приблизился пестрый кортеж к триумфальной арке из зелени и повернул по дороге к городу между двумя сплошными стенами войск. Снова выпалили царский салют, снова музыка прогремела национальный гимн, а затем снова грозное молчание! Ни крика приветствия, ни одного *ура*, ни малейшего изъявления радости, словно на эти массы напал столбняк. Похоронная процессия бывает оживленнее.

Что за притча такая? – недоумевали мы, ожидавшие, конечно, хоть искусственно-восторженного, но все же не такого холодного приема. Тайна отчасти разъясняется откровенною передовою статьей, появившейся несколько дней спустя в одной туземной газете. С переменой министерства инду-

сы расхрабрились, спеша воспользоваться коротким сроком отдыха, гарантированного им победившей партией. Предлагаю говорить за себя самим туземцам, стараясь сохранить в переводе их оригинальный язык.

«Корили лягушки бросающих в них камнями мальчишек: вам забава, нам смерть! Жители Пенджаба имеют полное право сказать то же самое о лахорском дурбаре. Без сомнения, это празднество доставило огромное развлечение индийским властям от вице-короля до последнего чиновника включительно. Но для туземцев вообще, а особенно для тех несчастных владетельных принцев и магараджей, которым было приказано явиться на поклон, дурбар оказался неиссякаемым источником страдания. Чтобы не оставаться перед другими в посрамлении, каждый наполовину, если не совсем разоренный раджа обязан затрачивать огромные суммы, которых у него нет и которые он должен занимать, и ехать со свитой и целым лагерем иногда за несколько сот миль на Поклон. Конечно, цель таких дурбаров известна каждому. Наши правители ищут сделать по возможности сильное впечатление на нас – туземцев, подавить нас величием британской нации. За каких же глупых ослов они нас принимают? Неужто они надеются пленить нас стеклянными бусами и блестящими медными ноговицами, как некогда пленяли оными во дни вторжения в Южную Америку испанцы краснокожих индейцев? Но хотя мы и индийцы, но не

краснокожие... Воззваниями к одному воображению довольно трудно проверить сердца наших народов, а великолепие англичан никогда не справиться с великолепием и пышностью дворов наших прежних правителей. Подобная тактика может быть удачною лишь с дикарями, но и с ними не всегда, так как ведь и дикари скоро поймут, что одним воображением да зрелищами чужого богатства не насытишь пустого желудка. Довольно англичане поражали воображение наших невежественных масс. Мы ожидаем теперь от их сановников чего-либо посущественнее, хотя бы удовлетворения наших самых насущных нужд. Ничего не может быть далее от истины, как идея, что индусы падки на роскошь и наружный блеск. Издревле в высшей степени интеллигентная, даровитая нация индийцы как раса всегда отличались необычайною воздержанностью в своем образе жизни. Трудно найти людей проще нас в пище, в одежде и во всем, касающемся наших повседневных привычек. Магометане любят роскошь и блеск, но индусы так же просты и воздержанны теперь, как и тридцать столетий тому назад. Высшая из наших каст, брамины, превышающие своей численностью все другие сословия в Индии, почти аскеты. Раджпуты – современные спартанцы, и разве одних магометан удастся нашим правителям привлечь своими дурбарам... Так долой, мишура и пустые забавы! Их железные дороги, их телеграфы, превосходная дисциплина в их армии – вот, что внушало и внушает нам уважение к английской

нации, но уже никак не эти глупые выставки роскоши, напрасная затрата капиталов из ежечасно иссякающей казны нашего отечества!».

Глава 6

Сады Шалимарские и незабудки с берегов Рейна. – Дopotопные экипажи. – Нисходящая иерархия раджей и восходящая иерархия завоевателей. – Британские идеи о русских. – Что англо-индийцы почитают за пес plus ultra «бонтон»? – Олимп и отсутствие амврозии. – Счастливые раджи и голодные кули. – Кого Англии следует страшиться? – Обед шотландских героев. – Кашмирский Вильгельм Телль. – Долговязый майор в западне. – Правда глаза колет даже героям.

Вице-король оставался в Лахоре до 17 ноября, и вся неделя его пребывания ознаменовалась ежедневными праздниками. Общий «большой дурбар» был назначен 15 числа, после чего он уезжал на свой «официальный тур», намереваясь объездить почти всю Индию. Зрелищ «выставок роскоши» являлось поэтому в изобилии, и мы едва поспевали на всевозможные кортежи, смотры и увеселения, со слонами и без оных, но всегда с магараджами как непременною частью этих «выставок» величия победоносных бриттов.

Самыми замечательными из всех увеселений явились три: гулянье в иллюминированных садах Шалимарских; праздник с обедом, данный городом, по подписке впрочем, полку шотландцев и «общий дурбар». Смотр всех войск, –

которых было не 10 000, как это передавалось в газетах,⁴³ а всего около шести тысяч человек, так как большая часть остальных лежала по госпиталям, – ничего для меня не представил особенного. Кто видел петербургские маневры и смотры в Париже во дни Наполеона III, не потерял бы ровно ничего, оставаясь у себя дома во время смотра в Лахоре. Но о двух остальных увеселениях стоит сказать несколько слов, особенно о садах Шалимарских. Эти чудные сады, расположенные мили четыре от города, обязаны своим существованием могольскому императору Шах-Джахану, злополучному строителю Тадж-Махала и еще более злополучному отцу своего сына Аурангзеба, посадившего родителя в крепость и продержавшего его там до самой смерти. Шалимар в переводе – «Обитель радости». Парк почти на целую милю в длину и разбит на трех вздымающихся одна над другою террасах: имеет 450 фонтанов с водой, бьющей из них в полной исправности и столько же мраморных бассейнов, в которые вода этих фонтанов, прозрачная как слеза и холодная во все времена года, переливается с более или менее поэтическим журчанием, смотря по душевному настроению посетителя.

Удивительные садоводы были эти магометане! Европейские турки, своими разбитыми по западной системе садами, не могут дать даже и приблизительного понятия о садах индийских моголов. Туристы, посещающие Альгамбру,

⁴³ Туземные войска независимых магараджей не присутствовали на смотре и потому не могут быть взяты в расчет.

могут судить по развалинам мавританских киосков, фонтанов и ныне заросших, перепутанных, как лабиринт, аллей о красоте садов Индии. Правда, Шалимар как сад, не уступающий парку магараджи Путтиальского близ Кальки, лишен его обстановки, великолепной панорамы бесконечного хребта старого Гимавата.⁴⁴ Зато ничто не может сравниться с его чудною растительностью, в которой соединились цветы всех частей света. Словно и растительное царство собралось держаться в Шалимаре дурбар. Долго не забыть нам неподдельного чувства радости, когда у подножия огромного старого манго, укутанного, как подагрик, обвивающим его кактусом, мы нашли небольшую грядку с фиалками и незабудками! Последние цвели на берегу старой канавы, посеянные, как нам сказали, женой одного немецкого миссионера. Вообразите себе Рейн у подножия Гималаев, далекий север, забредший в гости к своему южному брату, почти под самыми тропиками... Я сорвала несколько веточек цветов, каких никогда мне и во сне не снилось увидеть в палящих долинах Индостана...

Под вечер, 12 ноября, мы отправились на иллюминацию Лахорского сада. Наш путь лежал через бесконечные густые аллеи, превращающие все главные города Индии в Фонтенбельский лес. Уже вековые деревья бросали длинные ко-

⁴⁴ *Гимават* – санскритский двусложный термин, означающий «снегом увенчанный», от слова *Гима* – снег и *ват* – лохматый, а Гималайя в буквальном переводе «обитель вечного снега», *алайя* – «обитель».

ые тени на старые полуразрушенные мечети и мусульманские кладбища, расстилающиеся по обеим сторонам дороги. Ни в самом Лахоре, ни в его окрестностях не осталось почти ни одного вполне уцелевшего памятника моголов. Ненависть последнего царя Лахорского ко всему мусульманскому разрушила все, что только могла разрушить, пока не погиб, попав в ловушку, и сам разрушитель и царство его...

Широкие аллеи были буквально загромождены спешившими на празднество экипажами, всадниками и скороходами британской и туземной знати. Между колес аристократических колясок и *барушей* проскользали, как молния, крошечные *эки* туземцев, представляющие самый любопытный контраст с экипажами остального мира.

Экка состоит из голыи доски, положенной на два большие колеса. Над этою доскою – род балдахина, иногда из бархата и дорогих материй, а чаще – из простого одеяльного ситца, прикрепленного на четыре столбика, воткнутые по четырем концам платформы. В этот примитивный экипаж, о котором упоминается в древнейших рукописях Индии, впрягается крошечный бычок из породы гималайских горских быков-карликов, или же такой же миниатюрной породы *пони* величиною с большую ньюфаундлендскую собаку.⁴⁵ Оба животных, обладая изумительною по своему росту силой и вы-

⁴⁵ Крошечная, но в Индии такие лошади продаются за 5-10 рупий; но есть между ними порода такая же крошечная, но из столь быстрых скакунов, что за них платятся для скачек большие деньги.

носливостью, скачут, особенно бычки, быстрее иной лошади. В этом экипаже, где едва ли мог бы поместиться один европеец, ухитряются усесться на корточках иногда до четырех туземцев, с возницей – пять!.. И летит такая *эква*, словно ветер в поле, летит, оглушая прохожих своими погремушками и колокольчиками, покрывающими бычка от позолоченных рожков до хвоста: а главная в ней прелесть та, что она не может опрокинуться... И вот мчались и теперь по дороге к Шалимару такие допотопные таратайки, нахально опережая кровных рысаков раджей, отправлявшихся на поклон к вице-королю, теперь уже в более европейском виде, в модных колясках и без слонов... Невзирая на всю царскую обстановку, скороходов и другие затеи, их светлости находились, как и всегда, вынужденными давать дорогу всякому англичанину-писарю, ехавшему в наемном *гарри* (биржевой карете).

Вдали, в золотистом тумане быстро потухающего дня, еще горели ананасоподобные верхушки пагод и храмов, но подножия их уже стемнели и словно плавали в синевших, подымавшихся над рекою парах, когда мы стали приближаться к саду. Красиво выглядела вся эта огромная темно-зеленая, теперь почти черная, масса, словно уходившая своими террасами в темно-синее, уже усеянное бледными звездами, небо. Кое-где зажигались огоньки, но когда после многочисленных остановок и осторожного лавирования среди сплошной массы народа наш экипаж остановился у широкой аллеи, ведущей к главному входу, черная масса давно превратилась в

огненную, разбегаясь целыми волнами пламени справа, слева и позади нас... Не желая входить вместе с аристократической толпой, где нам пришлось бы давать дорогу всякому английскому сержанту, так как с нами было много туземцев, мы решили подождать. Не выходя из коляски, мы приказали отъехать к стороне и, став под группую развесистых смоковниц, получили возможность вновь любоваться постоянно прибывающими раджами.

На всех этих политических празднествах, как в царствии небесном, «много званых да мало избранных». В сад на иллюминацию допускали лишь по билетам, но и там, как и в процессии и на всех дурбарах, каждый сверчок должен был знать свой шесток. Из туземцев в саду были одни раджи со свитами, да главная городская знать из индусов с мусульманами. Билетов было всего три тысячи, а зрителей – сверх ста тысяч.

Аллея, ведущая к воротам сада, по обеим сторонам была освещена тысячами китайских фонарей. По высоким стенам тянулись огненною линиею плоски, странной и столь любимой в Индии формы атрибута богинь или *Дурги*, то есть женской производительной силы в природе. Над сияющими прихотливыми узорами в восточном вкусе пылали выше бесчисленные панели с монограммой и гербами маркиза Рипона. В саду за воротами, – сквозная беседка, – целый дворец в мавританском стиле, с широкой аркой, вместо дверей и минаретами по бокам, сияла, словно усыпанная сверху донизу

огненным бисером, являясь воображению каким-то огнедышащим драконом, охраняющим заколдованные сады. Громадное здание заслоняло весь вид во внутрь парка. Далее открывалась просто волшебная панорама, достойная «*Тысячи и одной ночи*». На первом плане – пространнейший цветник, перекрещенный, как лабиринт, дорожками из цветных изразцовых плит. Меж ними, словно узлы, перевязывающие эту сеть дорожек, возвышались белые мраморные бассейны, круглые и звездообразные, но каждый в виде геометрической фигуры с высоко бьющими фонтанами, посреди самых редких цветов. А надо всем этим, опускаясь над корзинами и фонтанами, как потолок палатки, гирлянды разноцветных огней, сверкающие всеми радужными переливами опалов, в брызгах сорока водометов!..

Над волшебною площадкой воздымается первая терраса сада, а за ней – вторая беседка поменьше, с большим балконом впереди. Она почти висит на краю скалы, над головами знатных туземцев, получивших *высокую привилегию* входа в сад, где находились вице-король и английские чиновники,⁴⁶ водопады и бассейны отделяют гостей от массы менее знатного, хоть и не простого, но все же *черного* народа, допущенного дышать одним воздухом с их белыми владыками. Балкон, или, скорее, платформа с перилами, покрыта дорогими коврами, уставлена тронами и креслами, на которых восседают сами боги и богини Олимпа с Юпитером во главе. Бо-

⁴⁶ См. «Civil and Military Gazette». Ноября 14, 1880 г.

ги скучают, вероятно, за амброзией, так как непьющие сыны Инда и муниципалитета забыли о буфете и, как верное отражение их пасмурного лица, и у «знатных туземцев» лица изрядно вытянуты. . . В саду, как и на дебаркадере, несмотря на тысячную толпу, царствует торжественное молчание. Но оно придает тем более величия картине, в которой общее впечатление немного портится черными фраками и цилиндрами, да белыми галстуками богов. Но эта маленькая как бы фальшивая нота в общей массе гармонии замечается лишь нами, прихотливыми европейцами. В глазах суеверных туземцев, привыкших представлять свою главную богиню *Кали* под видом черной, как смоль, фигуры с ожерельем из белых человеческих черепов на груди и шее, черные костюмы победителей являются еще знаменательнее. . .

Зато костюмы туземцев были до такой степени оригинальны и богаты, что можно было забыть, что мы в стране Священной Коровы и вообразить себя на царском *bal costumé*. Шёлковая ли, бархатная или из тончайшего Кашмира материя, все было зашито золотом, жемчугом и рубинами; верхняя одежда, тюрбаны и пояса, один богаче другого, и всегда соблюдена удивительная гармония в целом, необычайное сочетание цветов. Вспомним, что в Кашмире известны более трехсот оттенков цветов недоступных европейским фабрикантам. В глазах пестрило и двоилось от такого непривычного перелива цветов и блеска дорогих камней. Даже ручки махалок из хвоста тибетского яка, которыми слуги отмахив-

вают здесь назойливых мух и комаров от носов своих властелинов, были у многих сделаны из золота и покрыты словно *porte-bouquet* у модной красавицы, инкрустацией из драгоценных камней!

Молчание было прервано, наконец, громом и пальбой фейерверка. Взлетели под темно-синее небо бураки и прочие пиротехнические затеи. Между последними отличались воздушные надписи с приветом и пожеланиями на двух языках, английском и индоостанском, вице-королю всего лучшего.

Встал вице-король Индии; вскочило за ним и все сонмище богов. Как по приезде в сад, так и при отъезде: пушки выпалили салют, и конец Шалимарскому празднеству. Другое любопытное торжество, но в ином роде, представил собою публичный обед, данный двумя шотландскими полками. По программе за обедом следовали олимпийские игры, шотландские пляски под национальную музыку, песни, борьба атлетов и т. д. Исполнение программ увенчалось «полным успехом», по выражению лахорского органа англо-индийцев... «Особенно атлетические подвиги, *без всякого сомнения* убедившие туземцев еще раз в необходимости британской нации, доказав им фактически, насколько мускульная сила народа, управляющего ими, превосходит ту же силу в их тщедушных телах». Газета могла бы, но забыла, добавить к этому интересному анатомическому заявлению другое, чисто физиологическое сведение: насколько растяжимость сытого британского желудка превышает свою емкость

стью эту способность голодного желудка индуса. Покойный Гаргантюа наверное умер бы от объедения, если бы только пожелал соревноваться в этот день с чествуемыми кельтами!..

Целые горы ростбифа и жареных баранов; гекатомбы окороков и поросят, при виде коих мусульмане спешили удалиться, отплевываясь за первым скрывшим их углом; пирамиды плем-педдингов и фруктов, и разливное море пива и водки! Все это под двумя навесами, под которыми были накрыты два стола, на шестьсот персон каждый. Перед навесами, украшенными значками полков, триумфальная арка с навешенными на нее приветствиями «покорителям Афгана». Патриотические стихи и имена афганских местностей, где оба полка Highlanders наиболее отличились, сияли яркими цветами на темном фоне из пальмовых листьев.

Наевшись, напившись и накурившись, голоногое воинство направило свои стопы к поляне, приготовленной для национальных sports. У многих из героев ноги вследствие загара под солнцем Кабула цвета сырой говядины, тряслись и пошатывались после стольких усердных возлияний Бахусу. Но шотландские гладиаторы вообще вышли из боя с честью. Наслушавшись пения менестрелей, музыки волынок и свирелей и насмотревшись вдоволь на полковых клоунов и атлетов, мы расстались с побежденными и победителями. Оставив первых, громко храпевшими в глубоком пьяном сне на пыльной арене, а вторых – получающими приз в 300 рупий

из нежных ручек мистрис Р., жены главного распорядителя шотландца, мы отправились было домой, но были задержаны оказавшимся затем весьма необычным зрелищем по дороге...

Под раскидистым, зеленым мангановым деревом оружейные полудюжиной голых мальчишек, два *туземные* атлета из уличных фокусников давали, в свою очередь, представление. Увидев нас и предчувствуя редко выпадавшее на их долю счастье заработать несколько медных монет, они предложили нам показать свое искусство, между прочим, знаменитую в Индии «пляску с мечами», известную более под именем «пляски смерти». Мы согласились...

Актеров было всего двое: активный и пассивный. Первый, высокий, тонкий как жердь кашмирец, с движениями голого коричневого тела, напоминавшими гибкие и грациозные прыжки арабской ливретки; второй, такой же голый индус, мальчик лет пятнадцати, косматый и грязный, но с глазами, горевшими, как у лесной кошки. Главный актер, весь костюм которого состоял из пояса от покойных *инекспресиблей* да блестящей сабли, поднес нам последнюю, прося убедиться в ее качестве. Лезвие оказалось до того острым, что один из наших спутников, еле дотронувшись до него, порезался; сабля была настоящею бритвой. Ряд наших удивлений начался с того, что кашмирец, увидав сильно капающую из пальца кровь, прыгнул неслышно, как тень, к небольшому мешочку и вынул из него какую-то тряпку (кусочек ярко-желтой, ви-

димом, выкрашенной кожи), так же быстро приложил ее или, скорее, дотронулся до обрезанного пальца сикха и в одну секунду остановил кровь.⁴⁷

В то время, как за четверть версты от него британцы получали премии в 300 рупий за выказанную силу «мускулов», долженствовавшую внушить туземцам такой страх и уважение к их «непобедимости», наш голый фокусник выкидывал такие неслыханные подвиги, почти сверхъестественной ловкости в фехтовании, что нам оставалось лишь открыть рот и сожалеть, что его в эту минуту не видят «непобедимые». Приведу лишь два для примера.

Положив мальчика, неподвижно растянутого на земле, со слегка растопыренными пальцами рук и ног, кашмирец, с саблей в руках, стоя на пол-аршина от головы лежавшего и обернувшись к нему все время спиной, начал плясать, выкидывая какие-то невиданные дотолем нами *па*. Все быстрее и быстрее делались его движения, и он стал высоко подкидывать свою саблю, хватая ее и ловя на воздухе голою рукоятью, безразлично за лезвие, как и за рукоятку, пока, наконец, не прерывая движений, он попросил нас «приказывать „ему, между какими именно пальцами рук или ног мальчика он

⁴⁷ Мы предлагали ему до ста рупий за такой кусочек, но голодный, нищенски бедный кашмирец только отрицательно начал головой нам в ответ. «Этот талисман передан мне в наследство *умершим* отцом моим, который достал *его*, рискуя жизнью, и я поклялся возратить *его ему перед смертью*», – повторял он нам. Но посредством какого именно процесса он поклялся вернуть умершему родителю вверенную ему драгоценность, этого мы не могли добиться от него.

должен бросить свою саблю. Сперва мы не поняли, а поняв – ужаснулись и отказались от выбора. Но у наших сикхов разгорелись глаза, и они стали называть и указывать на разные части распростертого перед нами тела. «Между большим и вторым пальцем правой руки», – закричал один из сикхов.

И острая, как бритва, сабля взвилась на воздух и, перевортываясь в своем падении на землю, стукнула тупым ребром по перепонке между названными пальцами, *за спиной* у бросавшего ее фокусника. В ту же секунду, мальчик, не пошевелив ни одним мускулом лица или тела, в свою очередь, высоко подкинул незаметным движением кисти правой руки саблю в воздух. Кашмирец, все танцуя к нему спиной, поймал ее на лету и опять потребовал выбора. На этот раз была выбрана левая нога между мизинцем и четвертым пальцами, и послушная сабля опустилась из-под небес прямо на указанное место; а левая нога движением ступни вновь отправила ее вверх и вновь очутилась она в проворной руке старшего индуса. Затем было выбрано место между макушкой головы мальчика и стеблем, растущим на несколько линий от нее, и сабля воткнулась острием глубоко в землю на одну линию от головы, а рукоятка поймана заброшенной за спину рукой танцора. Потом выбирались другие опасные места на теле мальчика. В десять минут времени сабля взвилась раз тридцать на воздух. Падая, она опускалась ребром буквально на среднюю линию выбранного наудачу места; перебивала между всеми пальцами рук и ног и всегда безошибочно,

как бы опускаемая верною и осторожною рукой какого-нибудь сообщника-невидимки!

Казалось бы, что одного удара простой тяжести сабли, усиленной быстротой падения, было достаточно, чтобы перебить мальчику все суставы. Ничуть не бывало. По окончании операции, он весело вскочил на ноги, подпрыгнул и, лягнув ногами воздух, уселся на корточки в ожидании дальнейших приказаний.

Кашмирец попросил затем у одного из сикхов апельсин и, получив его, сделал знак мальчику; тот мгновенно исполнил требуемое, растянувшись снова на земле, на этот раз ничком, и упираясь подбородком в апельсин, подкаченный к нему ногой хозяина. Тогда старший индус снова пустился в «пляску смерти», повернувшись, как и прежде, спиной к лежащему. Его движения сделались еще быстрее, прыжки все выше и изумительнее, и перешли, наконец, в бешеную скачку на одном месте. Он уже не подбрасывал в воздух сабли, а, извиваясь как змея, то подаваясь всем телом вперед, то перегибаясь назад, пока голова его почти касалась земли, он махал острым лезвием по земле, словно брея ее, и буквально косил пожелтевшую траву налету. У меня кружилась голова, глядя на эти змееобразные, быстрые как молния движения. В продолжение нескольких секунд он описывал таким образом своим страшным оружием полукруг пред собою; но вдруг, не повертываясь, закинул далеко руку за спину и одним быстрым движением, впериw горящие глаза в стоявшего

возле меня сикха, рассек апельсин под подбородком у мальчика одним ударом!.. Удар пришелся ровно посередине, и бритва не могла бы разрезать его удачнее...

Сикхи завывали от восхищения, а я, признаюсь, побледнела. Каким жалким показался в моем воображении Вильгельм Телль с его подвигом над яблоком; а голоногие шотландцы, крики тожества которых доносились до нас с их поляны, чем-то вроде пляшущих по деревьям медведей. В сравнении со сверхъестественною ловкостью этого нищего кашмирца все доселе виданные мною подвиги фокусников и даже японцев бледнели и исчезали в пучине презрения.

Он повторил свой фокус не раз и не два, а двадцать раз в тот день и в последующие. Он рассекал своею околдованною саблей все, что мы ему ни давали: яблоки, орехи, даже яйца, и непременно или в руке мальчика, или под его подбородком. Мы пригласили на этот феномен всех друзей и знакомых – в том числе несколько англичан и моего долговязого приятеля майора, между прочим. С последним случилось следующее.

Заметив, что фокусник рассекает предметы непременно с помощью своего мальчика и так быстро, что являлось почти невозможным следить за молниеподобным движением стали, майор усомнился.

– Быть может, – говорил он, – мальчик подменяет уже готовыми и наперед разрезанными яблоками и апельсинами еще нетронутые плоды... Как знать?...

– Ну, а яйцо, – заспорила я с ним. – Разве возможно подменить целое рассеченным?... Ведь оно при малейшем движении вытечет...

– Гораздо легче предположить последнее, как оно ни трудно, нежели поверить, что фокусник, обернувшись к вам спиной, рассечет у вас яблоко, которое вы держите между двух пальцев, как он только что сделал это...

– Если вам угодно, то я готов держать выбранное вами яблоко, тотчас же, здесь и под вашим наблюдением, «майор Саиб», – предложил ему один из молодых сикхов. – Я вполне уверен в искусстве кашмирца...

– Не сомневаюсь, не сомневаюсь, *мой добрый друг*, – покровительственно процедил майор в ответ индусу, сыну богатого судьи, произнеся слово «друг» как бы сказав «болван», – вы, туземцы, все падки верить в сверхъестественное...

– Да в этом ничего нет сверхъестественного... кроме феноменальной ловкости этого человека...

– А... вы давно его знаете? – перебил майор презрительно, словно подозревал сикха в стачке с фокусником.

– Я вижу его со вчерашнего дня в первый раз в жизни! – с достоинством ответил оскорбленный туземец.

– Стойте!.. – вмешалась я. – Если вы, майор, думаете, что этот подвиг – просто ловкий фокус, и удар сабли проходит мимо, не задевая яйца, то оно и останется целым в ваших руках и риска вам нет никакого... Почему бы вам не сде-

лать личного опыта?... Вот несколько дюжин яиц в корзине... Выбирайте и становитесь в позицию!.. Майор покраснел и видимо растерялся.

– Неужели вы боитесь? – продолжала я. – Полноте!.. Я женщина, а сию же минуту готова подвергнуть себя этому опыту!.. – поддразнивала я его.

И, взяв яйца между большим и указательным пальцами, я стала за индусом, продолжавшим все время нашего спора плясать, потрясая острою саблей.

Индусы разинули рот, а майор воспользовался этим случаем, чтобы совершить диверсию.

– Надеюсь, что вы не сделаете этой неосторожности!.. – воскликнул он, бросаясь ко мне с аффектированную поспешностью и отнимая яйцо.

– Ну, так держите его сами!..

– Позвольте, – спокойно заметил сын судьи. – Яйцо в ваших руках совершенно целое, господин майор, не так ли?

– Ну да, *это* целое!.. А почему я знаю, что у мальчишки в *dotmi*⁴⁸ не лежит другое, приготовленное?... – отвечал майор, чувствуя себя не очень ловко.

– Так не угодно ли вам потрудиться подложить его мне под подбородок... – сказал сикх, бросаясь на землю ничком и заложив обе руки за спину. – Прошу вас, не спускайте с него глаз, доколе кашмирец не рассеет его...

Майор желчно рассмеялся, но сделал, как его просили. Он

⁴⁸ Поясная одежда.

собственноручно положил яйцо под безбородый подбородок юного сикха.

– Ну, а теперь, – произнес он, грозно обращаясь к кашмирцу, дабы заявив свою верховную власть лучше скрыть свое замешательство под видом сугубой суровости, – если ты... либо промахнешься, либо порежешь саабу лицо, я тебя заставлю сгнить в тюрьме!..

В эту минуту, злясь на майора за его придирки, у меня родилась в голове мысль отомстить ему. Мне была известна его чрезвычайная скупость, а также и причина, почему он, несомненно храбрый человек, отказывался подвергнуть себя лично опыту.

– Стойте, господа!.. Одну минуту. Я желаю вам сделать одно предложение... вот вы, майор, безо всякой причины напустились на фокусника и, быть может, напрасно обругали и напугали его... ну, а что если он и не ранит сааба и не промахнется? Чем вы его вознаградите?... Обещаете ли вы ему, в случае успеха, двадцать пять рупий или же лично подчиниться тому же опыту...

– С какой стати желаете вы заставить меня дать этому шарлатану такую сумму?... – вскипятился скупой майор.

– Только в случае, если он окажется не шарлатаном... а не то так держите яйцо или яблоко сами и тем составьте ему громкую славу и репутацию. Это... те же деньги.

– И этого я не сделаю!.. Надо мною все товарищи стали бы смеяться...

– А не сделаете, так над вами еще хуже станут смеяться... – сказала я, отводя его в сторону: – потому что в таком случае... я сама подвергнусь этому риску, даю вам честное слово... И завтра же все в городе узнают, а между прочими и мистрис Р., что там, где не побоялась опасности женщина, герой трансваальский и афганский, майор спасовал, если не струсил!..

Нервы у него разыгрались...

– Вы не сделаете этого!.. Все это пустая затея!..

– Нет, сделаю... а вы знаете, какого мнения мистрис Р. о *нервных* мужчинах и что она вчера говорила, что...

Майор побледнел. Мистрис Р. была молоденькая богатая вдова, и мой долговязый приятель был сильно влюблен в ее... приданое. Он поспешно перебил меня.

– Ну, перестаньте шутить... пожалуй, ради вашего каприза я дам этому дураку... ну, пять рупий.

– Двадцать пять... ни пенсом меньше. Не то я завтра же поведу моего Вильгельма Телля к мистрис Р. и подыму вас у нее на смех.

– Вы мстительны. Ну, так и быть... даю!..

– Господа! – громко заявила я – наш достойный майор, сознавая, что быть может, он напрасно обидел *джадуваллу* (фокусника), обещает ему 25 рупий, в случае успеха. Начинайте!

Мы находились в саду отеля, и тамаша (представление) привлекло много зрителей. Кашмирец попробовал лезвие на

пальце и встал в позу, то есть, повернулся спиной к лежащему на земле добровольцу. У меня замерло сердце. Ну, что если он, в дурной час, промахнется! Пропал наш бедный сикх!..

С тяжелым вздохом майор еще раз присев на землю, овладел яйцом и в последний раз пожелал убедиться, что оно не подменено во время нашего разговора. Он довел свою предосторожность до того, что начертил на нем карандашом знак. Затем он тихо подладил его под подбородок сикха и, отойдя в сторону, дал знак кашемирцу начинать.

На этот раз, против обыкновения, последний даже не косил травы. Подпрыгнув раза три, он перегнулся назад дугой и одним махом мощной руки совершил обычную глиссаду лезвием на четверть вершка от горла сикха. Сверкнула сталь и несколько сухих стебельков полетело в сторону. Но яйцо не распалось...

– Промахнулся! Промахнулся! – с злобной радостью воскликнул майор. – Что я вам говорил?...

– Напрасно радуетесь!.. Лежите смирно! Раттан-Чанд!.. Не двигайтесь ни одну секунду!.. Смотрите все!..

И, не позволяя никому дотронуться до яйца, я подвела майора ближе к нему... Ровно посередине овального белого шарика появилась желтая полоска, словно кто обмотал его этого цвета ниткой... Местами из-под этой полоски вытекали капли жидкого белка. Яйцо оказалось рассеченным пополам, словно бритвой!..

Торжество было полное. Даже скупой майор не очень хмурился, опорожняя свои карманы в поисках двадцати пяти рупий, хотя под предлогом, что с ним не было достаточно денег, он и успел обсчитать кашмирца на четыре рупии, обещая отдать их ему после...

Но случая к «после» не представлялось более никогда. Кашмирец исчез с того дня, и ни майор, ни мы уже не встречали его... Когда он уходил, долговязый британец пожелал рассмотреть поближе его чудодейственную саблю. Пробуя и глядя лезвие, он ворчал себе под нос:

– Подобной стали я никогда не встречал!.. Откуда этот нищий мог достать ее!.. Гей, ты продашь мне эту... штуку?...

Тамашавалла только отрицательно покачал головой, заметив, что это «сабля отца» и он не может продать ее...

Глава 7

Великий дурбар. – Раджи приготавливаются. – Судилище Озириса-Аменти. – Озирис, Тифон и осужденные души. – «Русская интрига». – 500 искушений. – Чем может иногда разрешиться тайна «русской интриги» в Индии. – Данга. – Меня лечат астрологи. – Популярность маркиза Рипона. – Гомер и я. – Спасаясь в Бенаресе. – Финал.

Дрожали сердца магараджей, приготавливавшихся к великому *дурбару* в утро 15 ноября 1880 года. Кивали сонными головами их астрологи, проводшие целую ночь в наблюдениях за звездами, тщетно вопрошая отуманенное дождевыми облаками небо и получив в ответ лишь несколько капель дождя на бритые макушки... Ныли желудки бедных *кули*, работавших денно и нощно над сооружением вице-королевского лагеря и приготовлением дурбарной палатки. Тысячи клерков-писарей, одна из высших доступных туземцам должностей на коронной службе, изгибали далеко за полночь свои щедушные груди над экстренной работой за своими конторками. Быстро, как птицы, мелькали *соисы*, разнося пригласительные билеты...

Без билетов – *point de salut!* Не было пропуска в священный политический *adytum*, где жрецы приготавливались в тот день представлять избранные жертвы главному идолу храма. Ровно шестнадцать лет со дня последнего Дурбара лор-

да Лоренса, в 1864 году, спал Лахор, забытый в торжествах последующими вице-королями. Счастливый город! Для него длинный ряд вице-королей, белых, черных, красных, пестрых, всех теней вигов и ториев, пролетел мимо, как ночной кошмар. Он заснул при лорде Лоренсе, самом любимом из всех вице-королей Индии, который так любил ее, что и по возвращении своем в Англию всегда заступался за ее интересы, даже против прямых выгод Манчестера; и вот Лахор снова просыпается при лорде Рипоне, который обещает сделаться вторым Лоренсом, достойным преемником справедливейшего из правителей Индии...

Но магараджи еще не знают своего нового вице-короля. В их еще свежих воспоминаниях о лорде Литтоне маркиз смутно рисуется таким сладкоречивым, бьющим на театральный эффект «Лат-Саабом», как и их бывший вице-король, знаменитый Оуэн Мередит,⁴⁹ обещания которого туманны, как небо их родины, изменчивы, как Индийский океан, а нововведения и реформы убийственны, как дыхание *Нага*.⁵⁰

Звезды не успели успокоить их насчет событий предстоящего дурбара. Даже обычно ясное небо их родины отуманилось на редкость накануне и оставило бедных раджей в полном неведении будущего... Вот почему страшатся они приближающегося дурбара с его «саламами», «нессарами»

⁴⁹ Owen Meredith – псевдоним лорда Литтона в литературе.

⁵⁰ *Наг* – бог под видом змеи, которая в Индии почитается священной.

и грозными *коммисонер-саабам*,⁵¹ как некогда страшился умирающий египтянин судилища Озириса... Их не прельщают даже ожидающие их дорогие подарки от имени королевы-императрицы, ибо, познав давно всю суету и опасность оных, они и теперь готовы в душевной горечи своей воскликнуть вместе с древними мудрецами: *Timeo Danaos et dona ferentes!*⁵²

Дурбар происходил на поляне возле городского сада. Широкая дорога, обрамленная по обеим сторонам рядами фонарных столбов, вела к вице-королевской палатке. Этих столбов прежде не было на этом месте, и они поставлены с их фонарями нарочно для торжества. Кругом главной, как маленькие опенки вокруг величественного мухомора, группировались другие палатки, поменьше, предназначенные для свиты: каждая с такую же, но еще более загадочную, нежели первая, дорогой, расстилающуюся перед ее входом. Говорю: «загадочная», потому что макадамизированная свежим слюем смолы (подозреваю, даже дегтем) в то самое время, как спешившие на дурбар смертные на засохших уже местах ее скользили и чуть не падали, на других, еще не успевших затвердеть, прилипали подошвами, как мухи к мухоловному пластырю. Аллегорическое ли то было представление ловческой способности англичан в их отношениях к другим народам, – не знаю, так как расспрашивать не дерзнула...

⁵¹ «Коммисонер-господин». В Индии все навыворот.

⁵² Бойтесь данайцев, дары приносящих.

Прямо пред входом вице-королевской палатки, где должен был происходить *дурбар*, был помещен артиллерийский парк, пушки коего салютовали каждому входящему гостю по чину и заслугам. Так, перворазрядные магараджи получали право на 21 выстрел; раджи помельче на 18, 12, 7, а некоторые так даже всего на три.

Один за другим проходили по avenue фонарных столбов, междудвойными рядами шотландцев и двух батальонов туземного войска, в сопровождении почетного караула британских воинов, благоухающие восточную амброй раджи и магараджи. Это оригинальное совокупление ориентальных одежд и европейских мундиров, а особенно озабоченные, торжественно кислые физиономии гималайских potentатов, словно они все отправлялись на заклание, напомнило мне известные карикатуры Гаварни из сцен парижского оперного бала. Точь-в-точь за костюмированные султанами и набобами парижане, увлекаемые за излишек канкана неумолимыми полицейскими сержантами, – *au violon*, potentаты подходили один после другого к навесу, снимали туфли, смиренно ждали, пока окончат назначенный каждому салют, а затем исчезали, словно колибри, поглощаемые в разинутой пасти полосатого боа-констриктора, в широко зияющей во глубине навеса двери в палатку.

Но предлагаю читателю проскользнуть за мною внутрь приемной залы, устроенной в палатке или, вернее, в двух палатках, так как наружная сливается со внутреннею или, как

это здесь называют, «шамиианой». Все здесь рассчитано на политический эффект: все обдуманно, и актеры, хорошо заучившие свои роли, готовы. Эффект, произведенный на туземную публику, и эффект, произведенный собственно на меня, опишу в виде добавления.

Общая обстановка вокруг нас напоминала мне картину, которую можно найти в Люксоре, как и на стенах многих других египетских руин, изображающую «Суд Озириса» над представшими пред ним душами в области *Аменти*. Даже внутренние стены и потолок первой палатки, подбитой материей столь излюбленного древними египтянами цвета всех оттенков охры, как бы срисованы с «зала суда», как мы находим ее на саркофагах и памятниках Египта. Взгляните, по обеим сторонам, прямо от входной двери до глубины второй или внутренней палатки, тянутся двумя длиннейшими линиями ряды сидений: налево – для туземцев, направо – для европейцев. Ошую сидят под видом раджей, сердарей и *деванов* грешные подсудимые души в Аменти, ожидающие решения своей дальнейшей судьбы. Вот сейчас станут взвешивать на адских весах их сердца и помышления, а затем, либо пошлют в изгнание в крошечную тьму, либо одарят пестрым халатом. Одесную же, где весь первый ряд занят официальными лицами, расположились не европейские «саабы», не коллекторы и комиссионеры, а «сорок два ассессора». По их как бы окаменелым лицам и бесстрастному выражению можно наверно предположить, что они судьи неумолимые. А вот

и Тифон, обвиняющий подсудимых. Сегодня он нарядился в военный мундир шефа полиции, главного *секретного* надзирателя над поведением всех больших и малых раджей в Индии.

Далее, за квадратною палаткой, синеет, словно глубь звездного неба, вице-королевская «шамиана», круглая, с куполообразным потолком, подбитая темно-голубой шелковой материей. По витым столбам и куполу ее горят, как звезды, золотые канделябры, лампы и разные блестящие украшения. А в самой глубине, на покрытой золотою парчой эстраде, возвышается серебряный трон с серебряными с позолотой британскими львами по бокам, с огромным гербом Англии на спинке престола, серебряною же скамеечкой с красной бархатной на ней подушкой, а за спинкою трона – королевским знаменем Великобритании!.. Под сенью гигантского штандарта сидит маркиз Рипон, Озирис дня. Он опирается обеими руками на лбы британских львов, как бы сдерживая их львиную ярость... Направо от вице-короля – группа военных, перемешанная с несколькими высокими чиновниками гражданского управления. То отборный букет, присланный Марсом и Фемидой; самые замечательные личности в Индии – под предводительством сэра Дональда Стюарта. Только что пожалованный командором ордена Бани, главнокомандующий войсками Индии,⁵³ стоял как Анубис, страж

⁵³ Он получил эту высокую должность за афганистанскую войну и был назначен на место дряхлого Гейнца во время дурбара.

богов, охраняя вице-короля по программе.

За Анубисом толпился целый рой туземных босоногих слуг в королевской красной с золотом ливрее. Одни с неисчисляемыми с горизонта Индии махалками из яковых хвостов, которыми они так усердно хлестали воздух вокруг вице-королевской головы, что развеваемые во все стороны волосы вскоре образовали ореол вокруг чела благородного лорда; другие стояли неподвижно, словно бронзовые кариатиды, приподняв обеими руками *золотые рога изобилия!* Увы! «Золотые», но пустые! Не намек ли то на истощение индийской казны?

Да, казна пуста, но магараджи, раджи все еще сияют, как будто окунулись, нырнув с головою в голкондский рудник да еще не успели высохнуть. Когда среди пушечной пальбы и звуков национального гимна вице-король появился из боковой двери возле эстрады, словно бриллиантовая струя покатила по направлению к серебряному трону. Низко согнулись спины, зашуршали парчовые одежды, зазвенели хрустальную песенку грозди алмазных, рубиновых и жемчужных ниток, висевших *фунтами* на темных лбах. Кто сказал, что Индия бедна?...

Еще раз сверкнула струя, отливаясь назад от трона, и теперь, когда настала торжественная минута затишья перед началом дела, стало легче рассматривать эти блестящие ряды венчанных индусов и моголов. Каждый из них еще до появления маркиза был тожественно приведен и посажен на

означенное ему по рангу место, налево от вице-королевской эстрады. Главных раджей вводил министр-секретарь иностранных дел; второстепенных – чиновник, не столь важный; а третьих, то есть, последнего разряда, чуть не писарь.

Вице-король был одет в полный придворный костюм, то есть, в бархатное (если не ошибаюсь) верхнее платье или кафтан, в белые атласные брюки и такую же жилетку, в шелковых чулках, в помпонах и башмаках с алмазными пряжками, и при шпаге; он выглядел настоящим портретным маркизом времен короля Георга; не доставало только пудры. Но зато его широкая голубая лента ордена Бани через плечо, орден Подвязки с бриллиантовой пряжкой и куча других орденов и звезд позволяли ему соперничать даже с некоторыми раджами по части сияния и блеска...

Принцы были рассажены по чину. Так, владетель Кашмира сидел возле трона первым; возле него, еле достигая локтя магараджи, сидел, болтая крошечною голою ножкой с ноготками, выкрашенными в *чандан*⁵⁴ и поджав под себя другую ногу, младенец-властитель Путтиалы. Хорошенький ребенок дулся. Ровно ничего не понимая в торжестве, он часто подымал свои огромные полные слез глаза на воспитателя, делая время от времени видимые попытки оставить свое место. Но стоящий за креслом воспитатель останавливал его быстрым движением глаз и губ, и бедное дитя снова принималось отчаянно болтать ногою. Восседавший по другую

⁵⁴ Желто-красная краска, употребляемая также в Персии, род хны.

сторону его «старый Джинд», укутанный с ног до головы в золотую парчу, издали в своей неподвижной торжественности и со сложенными на груди руками, казался высунувшим голову из-за покрывала гроба покойником. Но эта неподвижность была искусственная. Присмотревшись, легко можно было заметить, что он коварно и втихомолку наблюдает за своим соперником, магараджей Наббы. Последний отворачивал голову, делая отчаянные усилия, чтобы не смотреть в сторону счастливого обладателя серебряной коляски... Все напрасно! Если б у его наббской светлости голова была вся наполнена старыми гвоздями, а в руках Джинда был сильнейший магнит, то и то последний не в состоянии был бы притягивать эту голову сильнее, чем то делали пустые руки раджи Джиндского. Тайна разъяснилась весьма скоро: на старом эксцентрике были надеты из золотой сетки перчатки, густо зашитые букетами из алмазов и цветных драгоценных камней! Для того чтоб удовлетворить свое тщеславие и лишней раз раздавить соперника, он не пожалел погубить целую горсть превосходных дорогих изумрудов, сапфиров и рубинов! Все эти камни были пробуравлены, как бусы и, понятно, потеряли две трети своей цены.

Наконец успокоились пушки, замолчала музыка и настала минута затишья. Не было туземца в палатке, у которого не забилося бы учащенно сердце, у кого от страха неизвестности, а у кого из простого, но в высшей степени возбужденного любопытства, вследствие многоречивых за последние дни

толков. Все глаза были обращены на магараджу Кашмирского. Произведенный им скандал на станции железной дороги был перетолкован многими газетами в предумышленное оскорбление Англии. Стало быть, не говоря уже о подозреваемой якобы переписке Ранбир Спига с Россией, несчастный магараджа находился еще под прямым обвинением, так как – *lésemajesté*. При прежнем министерстве с его неумолимым суровым веянием духа ториев и практическим приложением закона Моисеева «зуб за зуб» и «око за око» немедленно последовали бы репрессии.

Теперь, невзирая на толки и сплетни, никто даже из высших сановников, вероятно, не знал *наверное* намерений вице-короля в отношении магараджи Кашмирского. Да и политика маркиза Рипона в Индии еще далеко тогда не выяснилась. Поэтому, когда настала минута, в которую она впервые должна была обрисоваться, вся дурбарная публика пришла в сильную агитацию.

- Интересно знать... что ожидает магараджу?...
- Что-то будет сейчас!.. Слышали, что говорят?...
- Да, да, тише!.. Письмо из Петербурга... за подлинною подписью. Это *наверное*!
- Неужели?... И что же?... Разве его не сошлют?...
- Да аннексировать бы... да и кончить разом!
- Говорят, ожидают *наверное*, со стороны вице-короля публичное заявление неудовольствия...
- А как вы думаете, – обратилась я вполголоса к толсто-

му соседу, знакомому по отелю, – плохо придется радже или нет?

– Да уже наверное эта выходка его на станции не *может* ему пройти даром, – отрезал решительно толстяк.

– Но мне говорил капитан М., что магарадже приготовлены великолепные дорогие подарки от имени королевы, между прочим, хрустальный стол?

– Что ж? Подарки сами по себе, а выговор – своим чередом. Только вот увидите, что он и от подарков откажется!

Между тем герой этих толков сидел неподвижно, немного бледный, но совершенно спокойный. На его темно-бронзовом лице образовались под глазами два больших, почти черных, круга, и по временам он едва заметно корчился и слегка как бы от холода вздрагивал. Но даже эта дрожь замечалась скорее в шелесте высокой бриллиантовой эгретки его тюрбана, нежели в бесстрастных чертах его лица. Круто нафабранные усы магараджи так же были молодецки завиты кольцами, как и всегда, а черные, как чиширь, глаза смотрели ленивее, но не угрюмее обыкновенного; из-за полузакрытых век он глядел скорее нездоровым, чем встревоженным.

Вот раздается чей-то громкий, следовательно, передающий нечто официальное, голос.

Дурбар открыт!.. Их светлости магараджи и раджи, имеющие честь присутствовать на нем, приглашаются приготовиться к представлению его высокопревосходительству, вице-королю, избранному и т. д. и т. д.

Час пробил... через несколько секунд участь магараджи должна решиться! Матушка Россия, полюбуйся на невинную жертву твоих политических козней!.. Ведь то, что бледный магараджа удрал от процессии только!.. В лице русской я вдруг чувствую себя как бы виноватою за всю Россию. Я не смею взглянуть на него... Мне мнится, будто я сама погубила магараджу.

К нему подходит секретарь иностранного департамента дел Индии, и принц медленно подымается. Настает минута такого гробового молчания в платке, что мнится, будто я слышу жужжание комара, пляшущего в воздухе над носом «старого Джинда». Вижу, как подводят магараджу к вице-королю. На темно-голубом фоне *шамияны* Кашмирский принц сияет, как окруженный своими кольцами Сатурн в телескопе, ослепляет глаза, словно длиннохвостая комета!.. Его белая атласная мантия «Великого Командора Звезды Индии» расстилается по парчовым ступеням, словно сверкающий на солнце водопад, искрясь и брызгая бриллиантовою пылью, а смуглые, украшенные целым капиталом руки покорно подносят на вышитой салфетке *нессер* – тяжеловесную горсть золотых мохуров. Трижды поднимаются и руки и *нессер* ко лбу магараджи в *саламе* и трижды протягиваются они с приношением к вице-королю. Маркиз привстает, отдает с учтивою улыбкой поклон и, протянув руку к *нессеру*, слегка касается рукой золота и тотчас же отдергивает ее назад... Солнце оттолкнуло вещество кометы, по природе вещей, а также и

по программе дурбара... Но что будет далее!..

Я гляжу с замиранием сердца и вижу, как убедаясь в тщетности своих усилий подкупить своим веществом солнце, комета начинает неловко пятиться, ретируясь назад к своему креслу, избегая, согласно этикету, обернуться к представителю императрицы Индии спиной и тщетно стараясь совладать с собственным командорским хвостом. Этот пожалованный ему Англией хвост вместе с алмазною звездой Индии на груди оказывается в эту минуту для него как бы орудием бичевания, посланным самою же Англией.

Еще несколько брыканий ногой из-под запутанного шлейфа, и его светлость падает в объятия: к счастью, собственно-го кресла. Сцена первая кончается... прошла благополучно.

Все переглядываются, а несколько раджей потупляются. Публика в недоумении. Неужели ожидаемый всеми «публичный выговор» так и умер в зародыше?...

Но церемониал еще далеко не кончен. Быть может, «выговор» отложен к концу оно-го, когда будут раздаваться подарки. Я начинаю снова тревожиться, тем более, что великолепный Ранбир Синг «компаньон Индийской империи» также начинает сильно морщиться и беспокойно повертывается на своем кресле. Вот подвели, а затем и приподняли «младенца», маленькие ручки которого насилу сдерживают тяжелый *нессер*. Следуя приказаниям воспитателя в своих усилиях совершить *сапам*, он роняет на пол несколько золотых монет, заявляет опасное желание разреветься, и его поспешно уно-

сят... За младенцем следует Джинд, принужденный к огорчению своему, скрывать оригинальные перчатки под салфеткой... За Джиндом какой-то четвертый раджа... пятый... шестой... седьмой... Каждый из них, подводимый по рангу тем или другим британским сановником, подходит, слышит свое произнесенное громким голосом и перековерканное английскими устами имя, кланяется, предлагает свой *нессер*, получает отказ, опять кланяется, пятится пред вице-королем назад, иногда садясь вместо своего кресла на колена соседнего раджи и, благополучно достигнув порта, опускается на свое место со вздохом облегчения.

До пятисот представлений!.. Пятьсот раз *трижды* протягивается рука вице-короля к нессеру и столько же раз пересиливает искушение. Подозреваю, что вице-король спрятал собственную руку, заменив ее механической. Между публикой многие заснули. Но время все же побеждает, все препровождает в Лету, даже вице-королевские дурбары и самих вице-королей. Часам к двум (представление началось с 11 1/2) последний сердарь был представлен и последний *девон* попытлся назад к своему месту.

Перерыв – и моментальное затишье. Слышится лишь одно тяжелое дыхание чиновников да сопение усталых магараджей.

– Подарки для его светлости, магараджи Кашмирского! – раздается визгливый тенор Тифона.

Все снова наострили уши, а глаза публики направляются

к толпе ливрейных сипаев, вносящих из соседней палатки одни за другими груды дорогих подарков.

Чего тут не было! Индийские шали и нитки крупнейшего жемчуга; ножные и ручные браслеты и дорогие сабли и мечи; почетные халаты и ящики с музыкой; уборы из драгоценных камней и золотые идолы; хрустальный стол и щит из носороговой кожи; пистолеты, ружья, серебряные кубки и т. д. Магараджа Кашмирский вместо ожидаемого выговора получил на 50 000 рублей подарков от своей императрицы.

Слуги, сложив принесенные подарки в кучу у подножия вице-королевского трона, отвесив земной поклон, удаляются. Маркиз Рипон произносит имя магараджи Кашмирского, подзывает его и указывает рукою на подарки. Тот кланяется, прижимает руки ко лбу и сердцу и с трудом возвращается на свое место. Публика объясняет эту слабость волнением и сильною реакцией от боязни к радости и успокаивается собственным объяснением. Являются слуги магараджи и, захватив подарки в охапку, исчезают... Конец сцене второй и последней.

Виват! Вице-король из лагеря вигов!.. Ура! Гладстону и его политике!..

В третий раз все снова умолкает... Подарки розданы всем раджам и сердарям по заслугам и чину, и все снова уселись и приготовляются слушать вице-королевский *спич*. Снова легкая тревога с моей стороны, но надежда теперь преобладает.

Эта речь оказалась настоящим политическим манифе-

стом. Она давала ключ к только что выказанной вице-королем сдержанности и, по мнению недовольных консерваторов, чуть не преступной снисходительности в отношении к проступку владетеля Кашмира. Маркиз прямо объявил, что он, лорд Рипон, всею душой и помышлениями принадлежит к политической системе лорда Лоренса, разделяет с ним его взгляды и твердо решился, не уклоняясь ни на шаг, следовать по стопам этого государственного мужа. Обращаясь к принцам и вождям пенджабских племен, он в одно и то же время пощекотал их самолюбие, воздав заслуженную хвалу их «воинственным инстинктам» и плеснул холодной водой на их патриотический жар. «Невзирая на 30 лет мира под британским управлением, – говорил он им, – я знаю, что ваша храбрость на поле битвы была бы столь же замечательною теперь, как и в те бурные дни, когда война у вас была скорее правилом, нежели исключением. Но, – добавил он, – по моему истинная слава страны состоит не в вечных войнах, а скорее в ее мире со всеми». Он напомнил им, что верховное правительство полагается на них, на их мудрость и искреннее желание возвысить родину в деле скорейшего введения необходимых в ней реформ и улучшений в собственных их «независимых владениях». Сам же он лично *«верит в их (принцев) верноподданнические чувства и честь»*. Он (лорд Рипон) надеется на них, ожидает, что они посвятят свои первые и главные заботы благоденствию своих подданных; употребят все усилия, дабы спасти свой народ от ожидающей его

страшной участи невежества, среди цивилизации остального мира: голодной смерти по собственной вине»... Он окончил, выразив надежду, что с этой минуты «Индия будет надолго, если не навсегда, освобождена от *измен* и страшного призрака как междоусобных, так и пограничных войн»...

Грянул оркестр «God save the Queen»; затрубили трубы, загремели литавры, запищали шотландские рожки, и стали магараджи и раджи, сердары и науабы исчезать один за другим из палатки, под аккомпанемент салютующих их светлости пушек, рева верблюдов, ржания лошадей и всего того невообразимого гама, который в Индии всегда сопровождает скопища туземцев.

Одним из первых поспешно удалился магараджа Кашмирский, так поспешно, что удаление его было скорее похоже на бегство изгнанника, нежели на возвращение домой могущественного и одаренного императрицей Индии принца. Лица, стоявшие близ подъезда, у конца «аллеи фонарей» слышали, а потом и передавали другим, с какою поспешностью и «диким блеском в глазах» он приказывал людям нести его домой во весь дух, словно он бежал от какой-то опасности...

Нечего и говорить, как все эти слухи интриговали непосвященную в тайны «секретной» или закулисной политики публику. Не было конца догадкам и предположениям. Некоторые открыто обвиняли вице-короля в «опасной оплошности», в отсутствии всякого «политического инстинкта».

– Он не знаком еще с настоящим положением дел в Ин-

дии, – говорил один.

– Да, придется ему еще раскусить, как и всем нам, глубокое, почти бездонное для вновь приезжего в страну европейца коварство азиатов, – кричал другой, старый англо-индеец, очевидец сцен 1857 года.

– Эта либералы погубят наш «престиж» в Индии, – жаловался третий.

– Такой поступок просто ни с чем не сообразен!.. Он идет прямо против всех традиций минувшего правительства. Но, тише, тише!.. Вот идет второй секретарь...

– О!.. А!.. Нелепо!.. Ужасно неосторожно! – шептали тории всех оттенков.

Не было почти группы из многих поджидавших экипажей европейцев, откуда не раздавались бы подобные этим восклицания. Полное недоумение и даже до некоторой степени смущение овладело англо-индийской колонией. Некоторые из алармистов зашли так далеко, что стали, наконец, прямо намекать на возможность «неожиданной и немедленной атаки со стороны войск генералов Кауфмана и Скобелева». Ободренный гарантированной ему вице-королем на дурбаре безнаказанностью, принцу Кашмирскому стоит лишь теперь свистнуть. У русских ухо чуткое... как знать? Быть может они и засели где-нибудь поблизости, на границе, в одной из сотен еще не эксплуатируемых долин гималайских дремучих лесов...

Верная своей задаче аккуратного и правдивого летописца

дурбара 1880 года, считаю долгом своим заметить, что подобная чушь исходила из уст не совсем официальных. Вышеупомянутые последние взгляды и предположения принадлежали почти всецело пессимистам прекрасного, но легковерного пола, и весьма юным, только что оперившимся и прилетевшим из-за родных туманов птенцам. Но, тем не менее, верно и то, что даже убеленные сединами старцы ввиду такой «нетрадициональной» линии в индийской политике, качали головой, предвидя всевозможные осложнения, если не в скором настоящем, то в туманном будущем.

– Слышали вы, как вице-король сказал принцам, что он «верит в их верноподданнические чувства», доверяет их чести... Доверять руку осам, засунув ее в их гнездо! – презрительно фыркнул один железнодорожный чиновник.

– Действительно!.. Смотреть сквозь пальцы на такие неприличные выходки!.. видимо преднамеренное оскорбление целой Англии в лице вице-короля... Это уже слишком... слишком сильно заявлять себя либералом!..

– Это значит просто давать... пощечину публичному мнению англо-индийцев!.. – отрезал один из птенцов.

– Повернуться спиной к его высокопревосходительству и высшим правителям страны в самую минуту торжественной процессии въезда того, кто здесь представляет ее величество, осмелится сделать лишь тот, кто чувствует поддержку сильной и враждебной нам руки, – глубокомысленно заметил мой сосед, толстый англичанин.

Я потупилась, чувствуя, что подо мною снова слегка как бы дрогнула только что укрепившаяся почва.

– Гей!.. Сааб!.. – вдруг закричал толстяк проходившему мимо нас с верховою лошадию кашмирцу. – Моти-Сахай!.. На минуточку... Сюда!.. Я желаю вам сказать несколько слов... вот этот *негр*... быть может, разъяснит нам что-нибудь... Он из свиты раджи... – добавил прозорливый дипломат, обращаясь к нам.

Отодвинутые от наших экипажей громадною толпою уезжающих раджей высокосферного сановничества, мы стояли на лужайке в нескольких шагах от дороги.

Кашмирец, рослый детина с *рыжею* бородой, подошел к нашей групп бросил поводья бежавшему за ним слуге. Он униженно поклонился толстяку и другим белым саабам.

– Ну, что, пандит,⁵⁵ – обратился к нему по-английски и окольную тропой жирный дипломат. – Как поживает астрология?...

– Звезды неблагоприятны нам, сааб, все дурные предзнаменования... – совершенно серьезно отвечал пандит, совершенно свободно по-английски.

– The devil they are! Неужто?... Ваш магараджа только что забрал на 5000 рупий от ее величества подарков и вдруг «звезды ему еще не благоприятны»! Да чего ж ему еще?...

– Не в материальных отношениях, сэр... Этим его свет-

⁵⁵ «Пандитами» называются в Индии все ученые лингвисты, особенно те, которые знают санскритский язык и изучают астрологию.

лость весьма доволен... а вот он все нездоров, и астрологи его давно уже предсказывают ему, что Лахор будет когда-нибудь пагубен для его светлости... Оттого магараджа так долго и отказывался ехать на дурбар...

– Гм-м... м!.. – промычал англичанин, – Оттого, а?... Ну, а раз в Лахоре разве звезды ему и здесь пророчили несчастье... а? Планеты воспрепятствовали ему занять назначенное ему место в процессии, заставили его удрать против приказаний властей домой в лагерь?...

– Нет, сэръ... Но его светлость был вынужден против своего желания так поступить...

– Вынужден против своего желания... – передразнил англичанин: – Это что за чушь!.. Кто же мог его принудить к тому?...

– Обстоятельства и... тот факт, что его светлость находился в то время европейском здании, на станции английской железной дороги... магараджа очень набожен!..

– Что за черт... ничего не понимаю!.. И какое же может иметь отношение его бегство с железной дорогой и... его набожностью?...

– Наши религиозные постановления очень строги в этом отношении, сэръ... *Шастры*⁵⁶ предписывают особый священный церемониал для каждого действия, для малейшего от-

⁵⁶ Шастры – книга браминов с религиозными постановлениями и предписаниями для ежедневного обихода индусов. Последний обязан от рождения до смерти есть, пить, спать и всецело жить по шастрам.

правления в жизни человека, сэра... и наш магараджа не мог... не рискуя лишиться касты и попасть под обвинение в тяжелом грехе оставаться одной минутой доле среди английских властей в принадлежащем им здании.

– Да что же такое случилось, наконец?... Кто заставлял его идти против его религии... его *шастр*?... Ведь не на корове же его заставляли ехать!..

Пандит искоса взглянул на группу жадно слушающих его дам и промолчал.

– Да отвечайте же, пандит! – нетерпеливо приставал к кашмирцу англичанин. – Что такое испугало вашего магараджу... что случилось?...

– Его светлость уже несколько недель, как отдал себя на полное распоряжение самого ученого в Кашмире *хакима*⁵⁷ – и что же?... Хаким что ли не велел ему ехать?...

– Н-нет, – как бы нехотя отвечал припертый к стене кашмирец. – Не хаким, сааб, а... а... последствия его лечения. Его светлость в то утро, как и во все последующие, принимал сильное очистительное...

Англичанки чуть было не попадали в обморок.

Эффект вышел великолепный! Сам инквизитор переконфузился и поспешил посадить своих дам в экипажи. Кашмирец, с которым все, кроме меня, позабыли проститься, сел на лошадь и тихо направился к лагерю магараджей...

Так просто прозаически и неожиданно разрядилась гроз-

⁵⁷ Хаким – туземный доктор.

ная, нависшая над политическим горизонтом туча, разрешилась тайна, смутившая было всю англо-индийскую колонию, тайна «русской интриги» и «беспримерной» *вследствие одной дерзости магараджи Кашмирского.*

* * *

Конец *великому дурбару!*.. На другой день Лахор уже опустел, разъехались его гости, поплелись каждый восвояси магараджи. Иные с истинно царскими подарками в своих выюках; другие, истратив на проезд тысячи и получив за это посеребрянный кубок. Собирались уезжать и мы, да не уехали. Меня посетила в тот же вечер *донги*, самая злокачественная в Индии лихорадка. Эта интересная туземка продержала меня много дней одну в дак-бунгало, куда меня перевели из сырых комнат отеля, грозя все время прибрать меня, но под конец выпустив как-то невзначай из своих хищных когтей.

Много странного, изумительно странного, но вместе с тем и хорошего узнала я во время моей тяжелой болезни. Например, то, чего англичане уже конечно не подозревают, а еще менее заслуживают. Их обращение с туземцами довело последних до таких утрированных на их счет подозрений, что не один, а человек двадцать туземцев, из которых многие были образованные, солидные люди, умоляли меня пресерьезно не посылать за английским доктором из боязни, *что тот нарочно убьет меня*, залечив не потому, что я русская,

а главное потому, что я «не презираю, а люблю индусов»! Я насилу их разуверила в возможности такого нелепого подзрения, а быть может и не разуверила, а только они перестали сопротивляться моему желанию.

Но европейский доктор не помог мне. Его наука, как сам он сознался, бессильна против свирепой туземной *данги*.⁵⁸ Когда два английских медика отказались от лечения, испробовав на мне все средства, туземцы заявили свои права и принялись лечить меня по-своему. И только тогда, в дни страшной муки узнала и оценила я вполне этот народ. Никогда не забуду я ту неисчерпаемую доброту, терпеливость в обращении со мною и преданность этих бедных загадочных туземцев. Что они спасли мне жизнь, это верно: оценить справедливо эту расу может лишь тот, кто, как я, испытал эту преданность на самом себе, не на словах, а на деле. И я уверена, что всякий другой, будь он хотя сто раз англичанином, найдет в них то же, что и я, если только потрудится узнать индусов покороче, подружится с ними, третируя их как равных себе, а не как собак! Десятки *арий-самаджей*⁵⁹ и

⁵⁸ Для сведения русской медицины скажу, что, по словам английских медиков, такого рода лихорадка нигде неизвестна, кроме Индии. Это нечто среднее между тифом и самым мучительным ревматизмом во всех частях тела. Единственные часы успокоения от мук, когда лежишь в бессознательном состоянии, в бреде. Для *данги* нет лекарств.

⁵⁹ Члены-монотеисты одного реформаторского религиозного общества. (См. «Письма из пещер и дебрей Индостана»).

брахмов⁶⁰ присоединились к членам теософического общества и, потащив отцов и матерей на совет, многие бросив на все время болезни слушание курсов в университете, стерегли меня и денно и нощно, кто от воображаемого «глаза», а кто от простуды во время пароксизма, что при *данге* ведет к верной смерти.

В то время, как отцы их тащили мне ежедневно на квартиру дюжины две обедов, состоящих из всевозможных туземных *деликатесов*, до которых я, конечно, и не могла даже дотронуться и которые тут же раздавались *бескостным* нищим,⁶¹ сыновья бегали по городу и окрестностям, собирая всех известных хакимов, астрологов и браминов-заклинателей. Хакимы приказывали мне посыпать голову каким-то перцем, глядеть, не спуская глаз, на бумажку со стихом из *Шастры*, от восхода до захода солнечного, а затем, свернув бумажку в комок и спрятав ее в куске теста с кокосовым маслом и сахаром, *дать съесть ее черной собаке*. Брамины-заклинатели выгоняли из меня дангу, позоря ее и всю родню ее самым обидным для нее образом, а астрологи (которым мои друзья, наверное, платили очень дорого, благодаря моему европейству, которое оскверняло их на время), никак не могли напасть на созвездие, под которым я родилась в моем

⁶⁰ Члены бенгальского Брахмо-Самадж, последователи Бабу-Кешуба Чендер-Сена.

⁶¹ Нищие, принадлежащие к одной из каст, не станут есть чего-либо выходящего из дома европейцев, даже и нетронутого.

предыдущем образе. Я же решительно не могла помочь им в этом затруднении: память моя отказывалась припомнить метемпсихозы, как души, так и тела моего. Наконец астролог, старший и самый ученый из них, решил, что я должно быть была когда-то травой *кузи*, так как *данги* очень любят ее и всегда сильно привязываются к той местности, где она растет. Решили достать этой травы и посыпать ею угол пустыря в саду, надеясь заманить *данги* из моего измученного тела в пустырь... Но, увы, черной собаки, годной для прихотливой *данги*, не нашли; не тронулась она названием *феринги* (француженки, иностранки) и не пожелала отправиться в пустырь, где ее «съели бы желтоногие коршуны». Но тем не менее, я остаюсь навек благодарною моим преданным, добрым индусам, которым моя болезнь стоила немало трудов и даже денег. В Аллахабаде, куда я наконец добралась, пользуясь короткими перерывами между пароксизмами, да и то контрабандой, так как *данги* заразительна, и узнай ее во мне железнодорожные чиновники, мне бы и билета не дали; – там в доме лучших приятелей моих из англичан, я наконец оправилась. Но вылечил меня от этой египетской язвы туземец *бабу* из Бенгала, только что оперившийся студент медицины, а не европеец...

Я провела всего несколько дней в Аллахабаде. Несмотря на мою искреннюю дружбу к хозяевам и их упрашивания остаться, я нашла, что сил моих не хватит жить долее в этой атмосфере политики. Господи! Что за скучный народ эти ан-

гличане и что за подозрительный народ! Они положительно впадают в Индии из одной галлюцинации в другую. Только что освободившись от их *idée fixe* «русской интриги» в Кашмире, я попала на другого такого «белого бычка» в Аллахабаде! Теперь они с ума сошли по Мерву. Я им про свою *дангу*, а они мне про Мерв; спеться нам оказалось невозможным. Этот несчастный Мерв не сходил у них с языка, а *этикет* требовал, чтобы, собравшись вместе, англичане в Индии ни о чем другом не говорили, как о политике и непременно о «злобе дня», как теперь выражаются наши газеты. А какой же им еще лучшей «злобы», как Мерв? За эти несколько дней я чувствовала, что одна *данга* спасает меня от одури разжижения мозгов. По ночам и во время пароксизмов мне чудилось, будто я иду одна на Мерв и с помощью моей верной *данги* мы сжигаем город дотла, чтобы только англичане перестали говорить о нем, успокоили свои нервы. Наконец я им предложила издать новый англо-индийский политический лексикон и заменить слово «нerv» на «мерв» и «нервозность» на «мервозность». Чуть не обиделись. Тогда, воспользовавшись любезным приглашением магараджи Бенареса, я уехала к нему, и таким образом освободилась в одно время и от *данги* и от *Мерва*...

Три месяца уже прошло со дня великого дурбара, а маркиз Рипон делается с каждым днем популярнее. Когда вернувшись месяц спустя из Бомбея по дороге в Калькутту, он серьезно заболел (и егохватила *данга*!) и слег в Аллахабаде,

где и пролежал около семи недель между жизнью и смертью, вся Индия искренне горевала о его опасном положении. И да простится мне невольный грех, если я ошибаюсь, мне кажется, что сочувствовала ему более *туземная* Индия, нежели сами англо-индийцы! Сердце народное, что сердце и чутье ребенка. Массы бессознательно, инстинктивно чувствуют, кто им желает добра и кто им враг, и даже кто равнодушен к ним. Простые и безыскусственные речи нового вице-короля, задушевные, но никогда не бьющие на эффект, как спичи его предшественника, лорда Литтона, производили с самого начала и продолжают производить на туземцев неотразимое влияние. Так и слышится в них под сдержанным тоном высокопоставленного сановника теплое, искреннее чувство симпатии к этому запуганному, забитому народу, к этой почти нищенской, разоренной его предшественниками земле. «Рад бы сделать для вас многое!»... говорят его добрые глаза, а симпатичный голос еще более глаз вкрадывается в душу слушающего... Да, маркиз Рипон добрый и благонамеренный человек. Это вполне честная душа и, выбрав, невзирая на сильную оппозицию, именно его, а не кого другого, ехать залечивать, если еще не поздно, раны Индии, Гладстон доказал еще раз, что он обладает верным тактом государственного мужа.

А теперь конец и моей англо-индийской «Илиаде». Чувствую, что если что и имею общего с Гомером, то разве его слепоту, заранее прошу прощения, если в чем погрешила ка-

сательно англо-индийской политики. Но да не заподозрит, вследствие этого, русская публика ни искренности моего желания держаться по мере возможности одних фактов, ни истины и правдивости моего незатейливого рассказа вообще. Успев в эти два года исколесить вдоль и поперек эту своеобразную, столь привлекательную для каждого европейца и еще столь мало известную страну, на протяжении около 12 000 миль и проведя большую часть времени с индусами, надеюсь, что могу сообщить о них не одно интересное сведение. Их религия, исконные обычаи, как и сами они, – неиссякаемый источник для наблюдателя.

Проведя весь последний декабрь в гостях, у так кстати пригласившего нас магараджи Бенареса, я нашла более чем когда-либо случай для таких наблюдений. Там, вдали от английского общества и их этикета, превращающего человека в мумию, я, наконец, свободно вздохнула. После почти пяти месяцев, проведенных мною в обществах Симлы и Аллахабада, где самый воздух кажется зараженным политикофильством, а древесная листва в аллеях «кантонментов» шепчет проходящему бритту о «русских замыслах», мне впервые удалось отдохнуть и заняться делом.

Добрый старый принц оказался самым радушным, любезным хозяином. Он принимал нас на славу, дав нам в полное распоряжение свои экипажи, слонов и лодку на Ганге, доставив нам этим все средства изучать как религию, так и древности, которыми столь изобилует знаменитый Бенарес. Ма-

териала для «Дневника» накопилась бездна. В скором будущем, надеюсь (с позволения данги) снова поделиться с русской публикой своими впечатлениями о Бенаресе. Там, вдали от городского шума, в вечно зеленом Рамбаге, саду бога Рамы, в замке магараджи, я и начала писать эти воспоминания о знаменитом ныне в летописях Индии *дурбаре в Лахоре...*